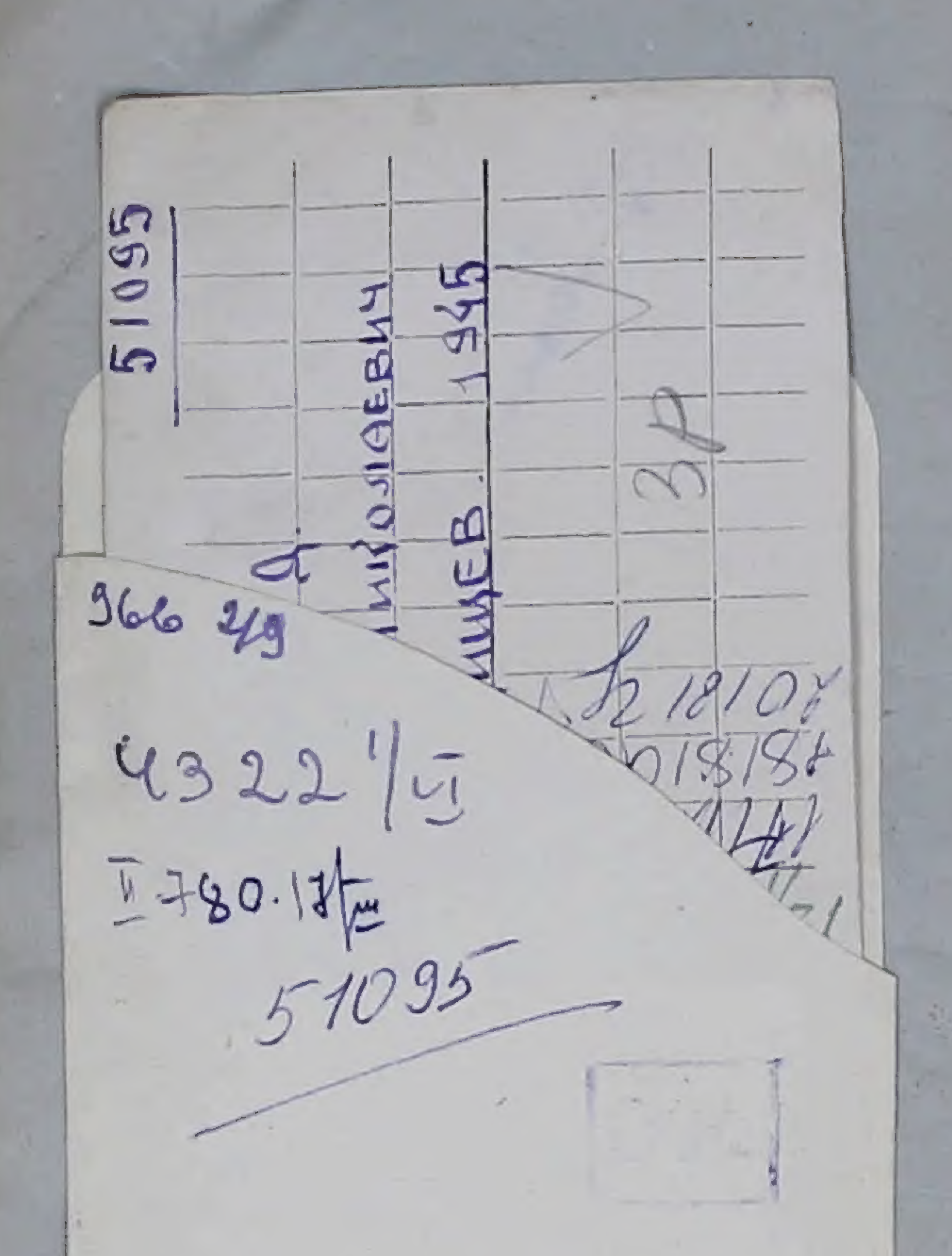

Александр Николаевич

Радищев

«Сталинское знамя» Пенза

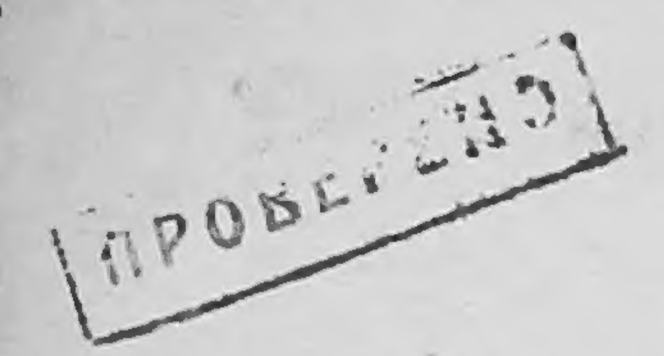

Издате
Пенза

Д. БЛАГОЙ

Александр Николаевич
РАДИЩЕВ

Издательство газеты „Сталинское знамя"
Пенза 1945

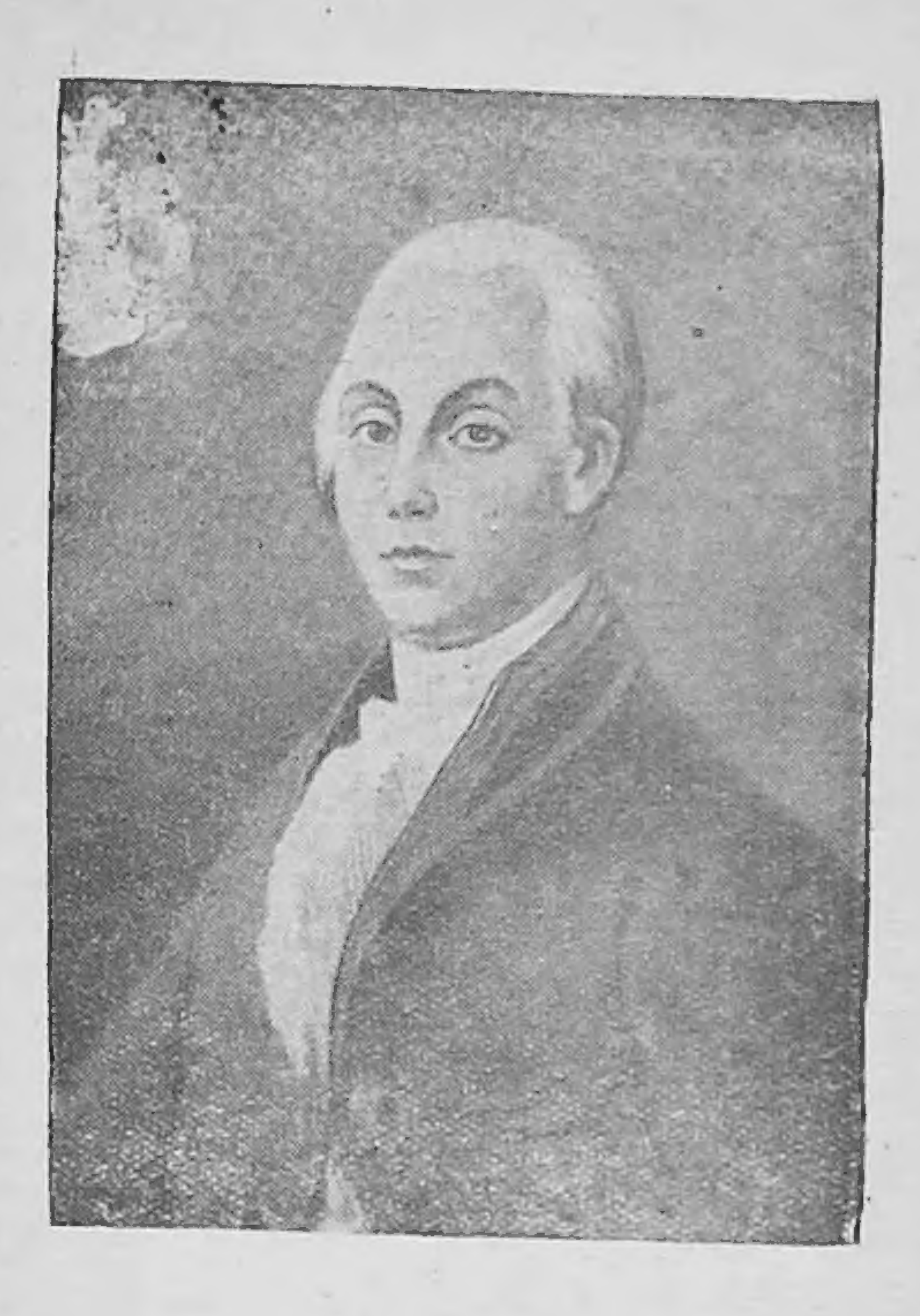

Ответственный редактор **Н. И. Страхов.**
Редактор издательства **А. В. Храбровицкий.**
Художник **А. П. Баринов.**
Корректор **О. П. Гароза.**

ФЛ06170. Заказ № 1060. Подписано к печати 16 мая 1945 года.
Объем 2,125 печ. листа. Тираж 5000. Цена 3 рубля.

Типо-литография издательства «Сталинское знамя».
Пенза, ул. Кирова, 65.

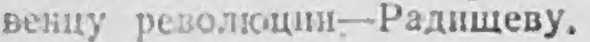
Т
ра
для
ких
тур
лас
ко
век
ниб
ино
кре
ваю
XVI
Сум
ком
чест
дей-
тие
нотк
но и
напр
вне
рео
лите
чаль
чувс
плея
горд

По верным словам Белинского, наша новая литература «даже в самом начале ее была провозвестницей для общества всех благородных чувств, всех высоких понятий». Действительно, вся наша новая литература в наиболее значительных ее проявлениях отличалась высокой человечностью, гуманностью, неизменно выступала против рабства, против угнетения человека человеком. Это неизбежно делало всех сколько-нибудь выдающихся русских писателей в той или иной степени оппозиционными царскому самодержавно-крепостническому строю. Оппозиционные нотки прорываются то там, то здесь сквозь всю нашу литературу XVIII века, звучат и в сатирах Кантемира, и в баснях Сумарокова, и в сатирических журналах Новикова, и в комедиях Фонвизина, и в одах Державина. В творчестве одного из самых замечательных русских людей—Радищева, как бы замыкающем собой все развитие нашей литературы XVIII века, эти разрозненные нотки не только сливаются в могучий, громовой гул, но и обретают новое качество—прямой революционной направленности. Знаменитое радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву» было первым подлинно революционным произведением нашей художественной литературы. Радищев, как автор его, является родоначальником революционной мысли и революционного чувства в нашей литературе, первенцем в славной плеяде деятелей русской революции, которыми вправе гордиться наша великая родина. «Нам больнее всего

видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты,—писал в 1914 г. в статье «О национальной гордости великороссов» Ленин.—Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика». (Сочинения, т. XVIII, изд. 3, стр. 81).

Первым среди памятников, воздвигнутых после Октябрьской революции благодарным советским народом своим великим предкам, был памятник стоявшему у самых истоков нашего революционного движения первенцу революции—Радищеву.

1. ЧЕЛОВЕК

Будущий автор «Путешествия», бесстрашный мыслитель-революционер, страстный народолюбец, пламенный патриот, Александр Николаевич Радищев родился в 1749 году в богатой помещичьей семье, в селе Верхнем Аблязове (ныне Кузнецкого района, Пензенской области). *)

В Аблязове прошли и ранние детские годы Радищева. Первыми пестунами Радищева были местные крестьяне, крепостные его отца: нянюшка Прасковья Клементьевна, которую он тепло вспоминает впоследствии в одной из глав «Путешествия», и дядька Петр Мамонтов, по прозвищу Сума. Мальчик рос в окружении могучей поволжской природы, в мире народного творчества, интерес и любовь к которому он сохранил на всю жизнь: в атмосфере народных сказок, рассказывавшихся ему нянюшкой и дядькой, народных песен, широко распространенных по всему краю, сказаний о волжских «удалых добрых молодцах» во главе со знаменитым атаманом Степаном Тимофеевичем Разиным. Не могли не доходить до мальчика, хотя бы от тех же крепостных, и рассказы о страшном помещичь-

---

*) Место рождения Радищева до последнего времени не было точно установлено. Однако новейшие разыскания неопровержимо свидетельствуют, что этим местом было именно село Верхнее Аблязово.

ем гнете и произволе, которые царили в то время вокруг. Не случайно изображения некоторых жестоких помещиков в «Путешествии» очень напоминают отвратительную фигуру тогдашнего соседа Радищевых В. Н. Зубова (поместье его находилось всего в шести верстах от Аблязова), который дочиста обобрал своих крестьян, кормил их из общих корыт, как скотину, сажал на цепь в специально устроенный острог и т. п. Совсем иными, резко не похожими на окружающее, были отношения к крестьянам родителей Радищева.

Недаром в течение многих лет в так называемых «ревизских сказках» по Верхнему Аблязову не значится ни одного беглого крестьянина, как и ни одного сосланного помещиком на поселение. Мало того, во время пугачевского восстания радищевские крестьяне помогли своему помещику скрыться в окрестном лесу; малолетних же детей его—младших братьев и сестер Радищева—деревенские женщины прятали у себя, замазав им лица сажей, чтобы придать вид крестьянских ребятишек.

Грамоте мальчик Радищев был обучен тем же его дядькой Петром Сумой. Когда мальчику исполнилось шесть лет, к нему был нанят гувернер-француз, оказавшийся впоследствии беглым солдатом. Для продолжения образования родители отправили сына в Москву к дяде М. Ф. Аргамакову, бывшему в родстве с директором только что открывшегося Московского университета. Радищев воспитывался и учился вместе с детьми Аргамаковых. Гувернером их был француз, убежденный республиканец, вынужденный в силу этого покинуть родину. Уроки им давали лучшие профессора университета. Вскоре после дворцового переворота 1762 года, возведшего на трон Екатерину II, Радищев был зачислен в привилегированное дворянское учебное заведение—петербургский пажеский корпус.

Образовательная часть в корпусе была поставлена отнюдь невысоко: все учебные предметы преподавались всего одним лишь учителем, да и не в учении было дело. Задача корпуса заключалась в том, чтобы

Церковь и дом Радищевых в селе Верхнем Аблязове.

навести на «пажей» придворный лоск. Питомцы корпуса должны были дежурить во дворце, прислуживая самой императрице и членам царской семьи (принимали от лакеев кушанья и напитки и подавали их к «высочайшему» столу, были на посылках у императрицы и т. п.). Радищев мог здесь видеть и наблюдать многое, что послужило ему впоследствии в «Путешествии» благодарным материалом для изображения раболепной дворцовой атмосферы и развратных придворных нравов. В корпусе Радищев, очевидно, выдавался своими способностями. Когда Екатерина, решив возобновить петровскую традицию отправки молодых дворян учиться «в чужие краи», приказала в 1766 году выделить шесть пажей с целью посылки их в группе русской молодежи в Лейпциг для изучения права, среди них оказался и семнадцатилетний Радищев.

В Лейпциге Радищев пробыл около пяти лет, слушая лекции в университете одновременно со своим ровесником по годам, но старшим по курсу Гете. По инструкции, составленной самой Екатериной, русские студенты должны были обучаться в Лейпциге «латинскому, немецкому, французскому и, если возможно, славянскому языкам... моральной философии, истории, а наипаче праву естественному и всенародному и несколько в римской империи праву. Прочим наукам обучаться оставить всякому на произволение». В прохождении обязательных предметов Радищев, согласно отзывам, «превзошел чаяния своих учителей»; помимо того он широко использовал предоставленное инструкцией право пополнить по своему желанию предписанную ему программу обучения. Особенную склонность обнаружил он к естественным наукам, приобретя весьма основательные знания в области химии и медицины.

Наряду с этим Радищев и его товарищи усиленно занимались самообразованием, в частности, чтением и изучением философов-материалистов. Настольной их книгой сделалась вышедшая незадолго перед тем знаменитая работа французского материалиста и атеиста

Гельвеция «Об уме». Книга Гельвеция была сожжена по приговору французского правительства, в качестве «опасной, скандальной и развратной». Наоборот, она встретила самый восторженный прием со стороны наиболее передовых деятелей просветительной философии. Дидро, например, относил сочинение Гельвеция «к числу великих книг нашего времени», расценивая его, как «здоровенный удар дубиной по предрассудкам всех родов». По свидетельству самого Радищева, он и его товарищи «читали сию книгу, читали со вниманием и в оной мыслить научалися»—мыслить материалистически. Очевидно, в Лейпциге же познакомился Радищев с сочинениями Жан-Жака Руссо, в частности, с его знаменитым «Общественным договором», учившим, что отношения между народом и монархом строятся на договорных началах, направленных к пользе народа. Нарушение монархом этих договорных условий дает народу законное право на расторжение договора, то есть на свержение монарха. В политическом мировоззрении Радищева это учение сыграло очень важную роль. Наряду с Гельвецием и Руссо, русские студенты восторженно изучали сочинения французского философа-публициста Мабли, развертывавшего теорию утопического коммунизма—проповедовавшего «равенство имуществ». Именно эти внешкольные занятия, а не лейпцигские университетские курсы, наполненные, по словам Гете, «в большинстве своем мертвого педантизма», развивали сознание Радищева и его товарищей, складывали их философские и политические воззрения.

Пребывание на чужбине, совместные чтения сплотили русских студентов в тесный дружеский кружок. Дружески-братские отношения—«союз душ»—установились между Радищевым и рядом его товарищей на всю жизнь. Особенно утвердились эти дружеские связи в результате той общей борьбы, которую, отстаивая свое личное достоинство и право на относительную независимость, русским студентам скоро пришлось повести. В Лейпциг их сопровождал специально на-

ченный Екатериной гофмейстер (инспектор) некто майор Бокум, в обязанности которого входили заботы об их содержании и надзор за их успехами и поведением. Бокум был тупой, грубый и корыстный немчура. Студентов, вверенных его попечениям, он не только морил голодом, наживаясь на их содержании, но бил их и подвергал унизительным телесным наказаниям, граничащим с прямыми истязаниями. Так он соорудил тесную клетку с остроконечными железными перекладинами, так что в ней нельзя было ни стоять, ни прямо сидеть. В этой клетке он собирался подвешивать провинившихся. Недопустимое обращение Бокума вызвало студентов на весьма энергичный коллективный отпор.

Особенным влиянием и авторитетом в группе русских студентов пользовался один из их товарищей, отличавшийся блестящими дарованиями, но безвременно умерший в годы учения в Лейпциге, Федор Васильевич Ушаков. Он был значительно старше своих товарищей, находился на пути к блестящей карьере (служил секретарем у одного из влиятельных сановников), но, «алкая науки», бросил все и добился присоединения к группе юношей, направленных в Лейпциг. Ушаков сразу же повел себя крайне независимо по отношению к Бокуму, а через некоторое время и прямо возглавил резкую оппозицию ему со стороны всех студентов. Кончилось это форменным «бунтом». Попытки об'ясниться с Бокумом ни к чему не привели. В ответ на «представление» одного из студентов Бокум при посторонних закатил ему пощечину. Остальные студенты, предводительствуемые Ушаковым, потребовали от обиженного, чтобы он ответил Бокуму тем же. Бокума вызвали в столовую, куда собрались все студенты. Обиженный студент потребовал от него «удовольствия», то есть удовлетворения, а когда Бокум отказался его дать, в свою очередь дважды ударил его по лицу. Дело могло бы принять весьма серьезный оборот, если бы Бокум не спасся бегством. На помощь себе он вызвал вооруженных солдат, сту-

денты были заключены под стражу. Тщетно пытались они дать знать русскому послу об истинном характере происшествия: письма, которые они писали, перехватывались Бокумом. Сам же он в своих донесениях в Россию прямо изображал выступление студентов, как попытку убить его. Положение Радищева и его товарищей стало настолько опасным, что они даже всерьез подумывали бежать в Америку или в Ост-Индию.

Конфликт с Бокумом разрешился, в конце концов, благополучно, по существу даже победой студентов. Русский посол в Лейпциге «помирил» их с Бокумом, «и с того времени,—рассказывает Радищев,—жили мы с ним почти как ему неподвластные, он рачил о своем кармане, а мы жили на воле и не видали его месяца по два». Но в духовном развитии Радищева, в созревании его политической мысли и убеждений столкновение с Бокумом сыграло весьма значительную роль и запомнилось ему во всех деталях на долгие годы. Бокум не был в глазах Радищева только грубым и [illegible] «[illegible]» чиновником. Бокум являлся как бы одним из наглядных выражений, одной из органических клеточек екатерининского самовластия вообще. Это был маленький, «частный» тиран и «притеснитель», действия которого оказывались совершенно подобными действиям «притеснителей общих». С другой стороны, конфликт между студентами и Бокумом представлялся Радищеву как бы прообразом и даже своего рода программным образцом возможных и законных столкновений между самодержавием—«единоначальством» — и обществом, народом.

В своих позднейших воспоминаниях о лейпцигской жизни русских студентов и их борьбе с Бокумом, опубликованных за год до выпуска в свет «Путешествия» под названием «Житие Федора Васильевича Ушакова», Радищев писал: «Имея власть в руке своей и деньги, забыл гофмейстер наш умеренность и подобно правителям народов возмнил, что он не для нас с нами, что власть ему данная над нами и определенные деньги не на нашу были пользу, но на его... Человек

много может сносить неприятностей, удручений и оскорблений. Доказательством сему служат все единоначальства. Глад, надежда, скорбь, темница, узы и самая смерть мало его трогают. Не доводи его токмо до крайности. Но сего-то притеснители частные и общие, по счастию человечества, не разумеют...» Происшествие с Бокумом было для Радищева, по его собственным словам, «деятельною наукой нравственности во многих отношениях», то есть не только раскрыло глаза на характер и существо отношений между самодержавием и народом, но и показало путь к действию. «Восстание» студентов против произвола и притеснений со стороны Бокума было для Радищева первым реально практическим шагом на пути «опровержения неправды» вообще.

Несмотря на тяжкие условия, созданные Бокумом, и малую удовлетворенность университетским преподаванием, почти пятилетнее пребывание в Лейпциге имело для Радищева очень большое значение. Путем напряженных занятий и размышлений, усиленного и разнообразного чтения, Радищевым были заложены здесь основы той чрезвычайно широкой, почти энциклопедической образованности, которой он отличался.

Окончив курс в университете, Радищев вместе с двумя своими товарищами в середине октября 1771 года выехал в Россию. Радищев и его друзья ехали на родину, исполненные самых высоких гражданских чувств, самых искренних стремлений употребить на пользу родной земли приобретенные ими в «чужих краях» знания. Вспоминая о восторге, охватившем их, когда они подъезжали к границе, «узрели межу, Россию от Курляндии отделяющую», Радищев горячо продолжает: «Если кто бесстрастный ничего иного в восторге не видит, как неумеренность или иногда дурачество, для того не хочу я марать бумаги, но если кто, понимая, что есть исступление, скажет, что не было в нас такового и что не могли бы тогда жертвовать и жизнию для пользы отечества, тот, скажу, не знает сердца человеческого».

Готовность «жертвовать и жизнию на пользу отечества» осталась преобладающим «чувством» Радищева в течение всей его жизни. Но зрелище того, что он увидел на родине, быстро расхолодило его восторг: «Признаюсь... что последовавшее по возвращении нашем жар сей в нас гораздо умерило».

Либерально-просветительные жесты [illegible] Екатерины первых лет царствования [illegible] скрывать подлинной сущ[illegible] Комиссия депутатов, торжественно [illegible] Екатериной для выработки новых законов, оказалась, по словам Пушкина, «непристойно разыгранной фарсой» и фактически прекратила к этому времени [illegible] существование. Голос общественного протеста, за[illegible] было в сатирических журналах Н[illegible] и других, появившихся в 1769 году, был [illegible] один за другим сатирические журналы позакрывались и зачастую вынужденно. Как раз в дни приезда Радищева и его товарищей в Петербург, в Москве произошла публичная казнь участников так называемого «чумного бунта» 1771 года. Восторженные поклонники Гельвеция, Руссо и Мабли очутились в мире крепостнического рабства, насилия и произвола, в стране, управлявшейся «железным скипетром» умной и просвещенной, но эгоистичной и честолюбивой «матушки-царицы», окруженной хищно борющимися за власть фаворитами и их многочисленными приспешниками и жадной челядью. Для большой работы в области нового законодательства, на самое видное участие в которой Радищев имел все основания рассчитывать, в создавшейся обстановке не было места. С роспуском законодательной комиссии в Радищеве и его знаниях никто в сущности не нуждался.

Радищев вынужден был занять весьма скромную должность протоколиста в сенате. Составление «протоколов» по слушавшимся в сенате судебным делам было одним из кратчайших путей к тому, чтобы войти в самую гущу крепостнической действительности. Перед Радищевым проходила целая вереница дел о

крепостных: истязания помещиками крестьян, засекаемых до смерти или доводимых до самоубийства, крестьянские «бунты» и волнения, усмиряемые «мелким ружьем и пушкой», и т. д. Однако, служба в сенате, при которой он был только пассивным регистратором совершающихся насилий и неправд, естественно не могла удовлетворить Радищева. Через некоторое время он перешел на военную службу, а вскоре и вовсе вышел в отставку. Одновременно Радищев заводит знакомства в литературных кругах, в частности сближается с издателем сатирических журналов и знаменитым деятелем в области нашего книгоиздательства и просвещения Н. И. Новиковым. Бороться с окружающим социальным и общественным злом Радищев начинает путем литературного слова.

В 1772 году в новом сатирическом журнале Новикова «Живописец» появляется за подписью И. Т. статья, вызвавшая большой шум и крайнее негодование со стороны дворян-крепостников, под названием «Отрывок из путешествия в***». В настоящее время можно считать установленным, что статья эта написана ни кем иным как Радищевым. В «Отрывке» дается исключительное по яркости и силе сочувствия описание некоей «деревни Разоренной»—«сего обиталища плача»,—изнемогающей под невыносимым управлением «жестокосердого тирана» — помещика.

Гнетущее впечатление от описания этой деревни особенно усилено тем, что в центре его автором поставлены жалкие образы голодных и смертельно запуганных помещиком крестьянских ребятишек. Войдя в одну из развалившихся изб, хозяин которой считался, однако, во всей деревне самым зажиточным, путешественник не нашел там никого из взрослых; все они были в поле—на барщине. «Заразительный дух от всякой нечистоты, — повествует путешественник, — чрезвычайный жар и жужжание бесчисленного множества мух оттуда меня выгоняли, а вопль трех оставленных младенцев удерживал в оной. Я спешил подать помощь сим несчастным тварям. Пришед к лу-

кошкам, прицепленным веревками к шестам, в которых лежали без всякого призрения оставленные младенцы, увидел я, что у одного упал сосок с молоком, я его поправил, и он успокоился. Другого нашел обернувшегося лицом к подушонке из самых толстых холстин, набитых соломою, я тотчас его оборотил и увидел, что без скорой помощи лишился бы он жизни: ибо он не только что посинел, но и почернев был уже в руках смерти; скоро и этот успокоился. Подошед к третьему, увидел, что он был распеленан, множество мух покрывали лицо сего ребенка; солома, на которой он лежал, также его колола, и он произносил пронзающий крик. Я оказал и этому услугу, согнал всех мух, спеленал его другими, хотя нечистыми, но однако ж сухими пеленками, которые в избе тогда развешены были, поправил солому, которую он, барахтаясь ногами, взбил: замолчал и тот». Путешественник гневно сетует на «жестокосердого тирана, от'емлющего у крестьян насущный хлеб и последнее спокойство», и «проливает слезы» об участи несчастных младенцев. «Тяжкий запах в избе» становится между тем для него невыносим; он спешно возвращается к своей коляске. Немного спустя к ней робко приближаются более взрослые ребята, которые было разбежались от страха, думая, что в деревню приехал их помещик: «Вскоре после того пришли два мальчика и две девочки от пяти до семи лет. Они все были босиком, с раскрытыми грудями и в одних рубашках, и столь были дики и застращены именем боярина, что боялись подойти к моей коляске. Извозчик их подвел, приговаривая: «Не бойтесь, он вас не убьет: он боярин добрый, он пожалует вам на лапти». Ребятишки, подведены будучи близко к моей коляске, вдруг все побежали назад, крича: «Ай, ай! ай! Берите все, что есть, только не бейте нас!». Извозчик, схватя одного из них, спрашивал, чего они испужались. Мальчишка, трясучись от страха, говорил: «Да! чево испужались...ты нас обманул... на этом барине красный кафтан... это никак наш барин... он нас засечет».

В последовавшем через некоторое время продолжении «Отрывка» чрезвычайно сочувственными чертами обрисованы образы и взрослых крестьян, вернувшихся с барского поля и совершенно измученных непрерывной работой. Их единственная надежда на то, что, убравшись с господским хлебом, они до дождей поспеют управиться и «со своим хлебишком». Когда путешественник удивляется, что они собираются работать и в воскресенье, хозяин избы спокойно отвечает ему: «Вить мы, родимый, не господа, чтобы и нам гулять; полно того, что и они в праздничные дни по пустому шатаются». При этом автор отрывка все время подчеркивает, что нарисованный им быт «деревни Разоренной» отнюдь не представляет собой чего-то исключительного. Деревня Разоренная—типическое изображение крепостной деревни вообще. «По выезде моем из сего города,—начинает путешественник свое повествование,—я останавливался во всяком почти селе и деревне, ибо все они равно любопытство мое к себе привлекали, но в три дни сего путешествия ничего не нашел я похвалы достойного: бедность и рабство повсюду встречалися со мною в образе крестьян... Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответы, к великому огорчению всегда находил, что помещики их сами тому были виною».

«Отрывок из путешествия в***» является самым ярким, сильным и негодующим изображением крепостного рабства в нашей литературе вплоть до выхода в свет почти двадцать лет спустя, в 1790 г. радищевского же «Путешествия из Петербурга в Москву». Первым наброском, как бы эскизом будущего «Путешествия» «Отрывок» и является.

Около этого же времени Радищев принимает деятельное участие в качестве переводчика в работах организованного Новиковым «Общества, старающегося о напечатании книг». Из двух переводных работ, сделанных им для общества, особенно значителен пере-

вод «Размышлений о греческой истории» Мабли, вышедший в свет в 1773 году. Свой перевод работы Мабли Радищев сопроводил целым рядом примечаний, подчас исключительно важных по своему содержанию и политической направленности. Особенно выразительно из них одно, в котором Радищев поясняет термин Мабли «деспотизм», который он передает словом «самодержавство»: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние... Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками. Государь есть первый гражданин народного общества». Слова о праве народа судить неправосудного государя, нарушившего свой «договор» с обществом, свою обязанность служить народу и его пользе, особенно красноречивы. Радищев позднее, местами прямо буквально, повторит их в своей замечательной оде «Вольность», введенной им в состав «Путешествия».

Таким образом, как показывает с одной стороны «Отрывок из путешествия в***», с другой—только что приведенное примечание, общественно - политические взгляды Радищева уже к этому времени—через год-два по возвращении из Лейпцига—в основных своих чертах совершенно сложились. Уже тогда перед Радищевым встали во весь рост два основных зла русской жизни того времени: самодержавие и крепостничество. Однако, Радищев еще пятнадцать с лишним лет вынашивал свои убеждения, накапливал подкреплявший их опыт впечатлений от екатерининской действительности (исключительно важную роль сыграло здесь восстание Пугачева), прежде чем дать окончательное выражение всему этому в основном труде своей жизни—в книге, изумительной по смелости, правдивости описаний, любви к народу, ненависти к его угнетателям—в знаменитом «Путешествии из Петербурга в Москву».

Радищев продолжал писать и после появления «Отрывка из путешествия в***» и переводов, сделан-

ных для новиковского общества. Так, в 70-е или первую половину 80-х годов Радищев написал автобиографическую повесть «Дневник одной недели», представляющую первый в нашей литературе образец произведения, выдержанного в духе и манере нового общеевропейского литературного направления, так называемого сентиментализма. Отдельные части «Путешествия» и произведения, введенные позднее Радищевым в его состав («Слово о Ломоносове», ода «Вольность», первоначальные наброски некоторых глав), также писались начиная с 1780 г. Но внешне литературная деятельность Радищева в это время совершенно прекратилась: вплоть до 1789 года ни одного из его произведений не появилось в печати.

Все более редел круг и прежних общественно-политических единомышленников Радищева. Крестьянская война под предводительством Пугачева (1773—1775) заставила многих дворян—противников самодержавия—пересмотреть свои позиции и сделаться сторонниками единой и сильной государственно-полицейской власти, как наиболее надежного оплота крепостничества. Да и кроме того, свирепая полицейская диктатура Потемкина не оставляла возможности для проявления какой-либо открытой оппозиции. Большинство представителей дворянской интеллигенции, в том числе и писателей, ушло в масонские организации, которые начали усиленно размножаться с 1770 года в Петербурге и Москве. В законспирированных масонских организациях, так называемых ложах, создавалась какая-то возможность относительно независимой деятельности просветительского порядка. Но политические цели подменялись в масонстве задачами личного нравственного самоусовершенствования, в лучшем случае, филантропией. Все больше усиливался в масонстве и мистический уклон. В 1775 году в масоны был принят бывший издатель сатирических журналов Новиков, в масонство ушло и большинство лейпцигских товарищей Радищева, в том числе и самый большой его друг, А. М. Ку-

тузов, которому Радищев посвятил впоследствии свое «Путешествие». Некоторое время и сам Радищев посещал собрания одной из масонских лож, об'единявших, по словам тогдашнего главы русского масонства, И. П. Елагина, и «богопочитающих и афеистов». Однако, методы и цели масонства явно не удовлетворяли Радищева; к масонской же мистике он относился резко отрицательно.

Отойдя идейно от своих бывших лейпцигских товарищей, Радищев ищет новых отношений, завязывает новые связи. В 1776 году Радищев снова поступает на службу—в коммерц-коллегию, во главе которой стоял видный и влиятельный вельможа, граф А. Р. Воронцов, скоро оценивший его глубокие знания и блестящие способности и хотя не подвинувший его слишком далеко в служебном отношении, но приблизивший к себе. Либерально настроенный вельможа, брат известной княгини Дашковой, деятельно помогавшей Екатерине II при восшествии ее на престол, Воронцов стоял во главе одной из дворянско-аристократических группировок, боровшихся за влияние и власть, захваченную Потемкиным, который «самовластвует и все берет». Резко отрицательное отношение к потемкинскому режиму сближало Воронцова и Радищева, однако, в то же время между прямой революционностью радищевского «Путешествия» и аристократической оппозиционностью Воронцова лежала непроходимая пропасть. Совершенно в стороне стоял Радищев с его негодующим осуждением екатерининского двора, фаворитизма, придворной камарильи и от всякого рода интриг и группировок в среде аристократической знати. Но сближение с Воронцовым сыграло свою роль. Особенно помог Воронцов Радищеву после постигнувшей последнего тяжкой кары.

С Воронцовым Радищев был связан в основном по линии своих служебных отношений. Пытается Радищев сплотить группу единомышленников и путем литературно-общественной пропаганды. С этой целью он

вступает членом в «Общество друзей словесных наук», образовавшееся в Петербурге в середине 80-х годов, и принимает участие в печатном органе общества— журнале «Беседующий гражданин». Во главе общества и журнала стоял бывший московский студент Антоновский—масон и мистик, стремившийся придать тому и другому реакционно-охранительное, антипросветительское направление. Радищев, вступив в общество, повел с этим решительную борьбу и, судя по ряду успехов, им в этом отношении достигнутых, приобрел в обществе большое влияние и авторитет. Несомненное влияние оказывал Радищев и на некоторые другие общественные группировки, в том числе на кружок известного вольтерьянца и издателя книг и журналов Рахманинова. С кружком Рахманинова был ближайшим образом связан и молодой Крылов, будущий знаменитый баснописец.

Особенно усилилась общественная и литературная деятельность Радищева к концу 80-х годов в связи с приближением и нарастанием революционной грозы во Франции, что не могло не ощущаться отраженно и в России, подымая надежды и чаяния передовой, демократически настроенной части русского общества, наиболее ярким, далеко идущим и последовательным представителем которой Радищев и являлся.

В частности, имеют несомненный интерес связи, которые завязываются в это время у Радищева с петербургской городской думой—новым выборным учреждением западно-европейского типа, незадолго до того у нас образованным. В мае 1790 года, по инициативе Радищева, городская дума в связи с военной опасностью, угрожавшей Петербургу по случаю русско-шведской войны, организует специальный добровольческий батальон—«городовую команду» из 200 человек для защиты города. Горячий патриот, Радищев в трудную для родины минуту стремился призвать к действию силы общественности, причем понимал послед-

нюю столь широко, что включал в ополчение и беглых крестьян.

В 1789—1790 годах снова необычайно ярко разгорается и литературная деятельность Радищева. В 1789 году выходит в свет без подписи автора, как и все остальное опубликованное Радищевым, его «Житие Федора Васильевича Ушакова». «Житие» состоит из двух частей: мемуарно-автобиографического повествования о жизни русских студентов—Радищева и его товарищей—в Лейпциге и политических и философских «Размышлений» самого Ушакова, переведенных Радищевым на русский язык («Размышления» были написаны частью по-французски, частью по-немецки). Центральное место в первой мемуарной части «Жития» занимает описание уже известной нам ожесточенной борьбы Радищева и его товарищей с майором Бокумом, тираном в миниатюре, бывшим, однако, как уже указывалось, для Радищева прообразом тиранства и «самодержавства» вообще. Припоминанием этой успешной борьбы Радищев словно бы подбодряет себя на борьбу, гораздо более опасную и тяжелую, к которой в это время он уже полностью приготовился: к моменту выхода в свет «Жития Ушакова» «Путешествие из Петербурга в Москву» было совершенно закончено. Предваряет «Житие» радищевское «Путешествие» и в некоторых весьма существенных политических высказываниях автора, в нем уже содержащихся. Таково замечательное утверждение Радищева о том, что в самой тяжести притеснения, непомерности гнета заключены залог и возможность освобождения. Невыносимость гнета, в конце концов, неминуемо должна вызвать на отпор против него, повлечь за собой восстание, революцию. И этот именно путь и представляется Радищеву самым лучшим, самым «благим» для «страждущего общества». Наоборот, всякие частичные послабления гнета, проводимые самодержавными «мучителями» народов, с этой точки зрения (чем хуже, тем лучше!) представляютсяРади-

щеву даже нежелательными. Не реформа, а революция—таков его идеал. Подобные высказывания и заявления Радищева в «Житии» не могли пройти незамеченными для читателей. Княгиня Дашкова, познакомившись с этим произведением Радищева, прямо заявила брату А. Р. Воронцову, что в книге «его протеже.., встречаются выражения и мысли, опасные по тому времени».

Не менее «опасными» выражениями и мыслями отличалось и другое литературное выступление Радищева напечатанная в декабрьской книжке «Беседующего гражданина» за 1789 год небольшая, но чрезвычайно значительная его статья на тему о патриотизме—«Беседа о том, что есть сын Отечества». Члены «Общества друзей словесных наук» сразу же обратили на это внимание, но не противились намерению Радищева опубликовать ее в органе общества, отчасти, возможно, постольку, поскольку, по собственным словам одного из них, «не надеялись, чтоб цензура пропустила сочинение, писанное с такой вольностью духа». Однако, Радищев проявил исключительную энергию и лично провел очередной номер журнала вместе со своей статьей через цензуру. Радищев начинает «Беседу» с утверждения, что далеко не всякий достоин «величественного наименования сына Отечества (патриота)». «Имя сына Отечества принадлежит человеку, а не зверю или скоту, или другому бессловесному животному»,—человеку, как существу свободному. Отсюда не достойны «украшаться сим именем под игом рабства находящиеся». Таким образом, Радищев теоретически исключает из «сынов Отечества» крепостных крестьян. Однако, это ранящее, как он сам тут же оговаривается, всякое «чувствительное сердце», жестокое исключение понадобилось Радищеву едва ли не для того, чтобы лишний раз страстно и негодующе выступить против крепостничества. Выступление это исполнено предельной ненависти к «притеснителям, злодеям человечества», делающим челове-

ка «ниже скота», и, наоборот, самого пламенного сочувствия к закрепощенным крестьянам, «кои уподоблены лошади, осужденной на всю жизнь возить телегу и не имеющей надежды освободиться от своего ига, получая равные с лошадью воздаяния и претерпевая равные удары», «коим наималейшее желание заказано... им позволено только расти и умирать». «Человек, человек потребен для ношения имени сына Отечества!—восклицает Радищев,—но где он, где сей, украшенный достойно сим величественным именем?».

Отказывая в праве называться «сынами Отечества» угнетенным, стоящим вне закона, крепостным рабам, Радищев еще решительнее отказывает в этом праве и угнетателям, ярко-сатирические зарисовки которых вслед за тем и дает. В этих зарисовках перед нами проходят обычные персонажи сатирической литературы XVIII века—от сатир Кантемира до сатиры Новикова и Крылова: проживающие свои даром достающиеся помещичьи доходы вертопрахи, щеголи, праздные тунеядцы. Однако Радищев накладывает на эти привычные фигуры еще более резкие, густые краски, рисует их в тонах нарочито-грубого натурализма, превосходно передающего ненависть и презрение к ним автора.

«Вертопрах, облетающий с полудня (ибо он тогда начинает день свой) весь город, все улицы, все дома для бессмысленнейшего пустоблаголания, для обольщения целомудрия, для заражения благонравия, для уловления простоты и чистосердечия, соделавший голову свою мучным магазином, брови вместилищем сажи, щеки коробками белил и сурика или, лучше сказать, живописною палитрою, кожу тела своего вытянутою барабанною кожею, похож больше на чудовище в своем убранстве, нежели на человека, и его смрадная жизнь, знаменуемая смрадом, из уст и всего тела его происходящим, задушается целою аптекою благовонных опрыскиваний, словом, он модный человек, совершенно исполняющий все правила

щегольской большого света науки; —он ест, спит, валяется в пьянстве и любострастии, несмотря на истощенные силы свои; переодевается, мелет всякий вздор, кричит, перебегает с места на место,—кратко, он щеголь».

А вот другой персонаж, «погрязший в тину лени, обжорства и пьянства», сидящий за исполненным произведениями всех четырех стихий столом, коего услаждению вкуса и брюха жертвуют несколько человек, от'ятых от служения отечеству, дабы по пресыщении мог он быть перевален в постель и там бы спокойно уже заниматься потреблением других произведений, какие он вздумает, пока сон примет у него силу двигать челюстьми своими».

Но Радищев в сатирическом изображении угнетателей отваживается на большее, чем остальные сатирики XVIII века. Иронически вопросив после приведенной нами зарисовки щеголя: «Не сей ли есть сын Отечества?», Радищев продолжает: «Или тот, поднимающий величавым образом на твердь небесную свой взор, попирающий ногами своими всех, кои находятся пред ним, терзающий ближних своих насилием, гонением, притеснением, заточением, лишением звания, собственности, мучением, прельщением, обманом и самым убийством, словом, всеми одному ему известными средствами, раздирающий тех, кои осмелятся произносить слова: человечество, свобода, покой, честность, святость, собственность и другие сим подобные? Потоки слез, реки крови не токмо не трогают, но услаждают его душу. — Тот не должен существовать, кто смеет противоборствовать его речам, мнению, делам и намерениям! Сей ли есть сын Отечества? — Или тот, простирающий об'ятия свои к захвачению богатства и владений целого Отечества своего, а ежели бы можно было и целого света, и который с хладнокровием готов от'ять у злочастнейших соотечественников своих и последние крохи, поддерживающие

унылую и темную их жизнь, ограбить, расхитить их пылинки собственности; который восхищается радостию, ежели открывается ему случай к новому приобретению, пусть то заплачено будет реками крови собратий его, пусть то лишит последнего убежища и пропитания подобных ему [illegible], пусть они умирают с голоду, стужи, зноя, пусть рыдают, пусть умерщвляют чад своих в отчаянии, пусть они отваживают жизнь свою на тысячи смертей: все сие не поколеблет его сердца; все сие для него не значит ничего: — он умножает свое имение, а сего и довольно.—И так не сему ли принадлежит имя сына Отечества». Легко заметить, что в только что приведенном месте статьи Радищев смело переходит от сатирического высменвания «притеснителей частных» модных щеголей и тунеядцев-помещиков к изобличению «злодеев человечества», «притеснителей общих» Потемкина и даже самой императрицы.

Указав, кто не является сыном Отечества, Радищев останавливается на тех признаках, которым должен отвечать подлинный патриот и значит истинный человек,—понятия для Радищева равнозначные: «Истинный человек и сын Отечества есть одно и то же». Для подлинного патриота всякая общественная должность, все формы службы государству и народу, как бы незначительны они ни казались, одинаково высоки: «для него нет низкого состояния в служении Отечеству», он «всем жертвует для блага оного», и если «уверен в том, что смерть его принесет крепость и славу Отечеству, то не страшится пожертвовать жизнию».

Патриотические мотивы очень сильно звучат во всей нашей литературе XVIII века, от Феофана Прокоповича, Тредиаковского, Ломоносова до Новикова, Фонвизина, Державина, Карамзина. Но именно Радищев является первым нашим революционным патриотом, не только безгранично преданным своему народу, но и умеющим ненавидеть во имя любви, от-

рицать существующее во имя утверждения должного, яростно бороться со всем тем, что мешает развитию и совершенствованию родины, народной свободе, народному счастью. Выражением именно такого патриотизма является и рассматриваемая нами статья Радищева, пафос которой—требование скорейшего превращения рабов в людей, скорейшего снятия с большей части народа «ужасных уз»—крепостнического гнета. С еще большей резкостью и силой зазвучит это требование в появившемся через полгода после этой статьи радищевском «Путешествии из Петербурга в Москву».

Задуманное по всем данным издавна, вынашивавшееся и писавшееся в отдельных своих частях в течение долгих лет, «Путешествие из Петербурга в Москву» было в основном завершено Радищевым к концу 1788 года. В июле 1789 года Радищев провел «Путешествие» через цензуру. Разрешение печатать книгу было дано за подписью председателя так называемой «Управы благочиния», петербургского обер-полицмейстера Рылеева, который доверился невинно-географическому заглавию и «подмахнул» рукопись, почти ее не читая. Однако один из московских типографщиков, которому Радищев передал «Путешествие» для издания, познакомившись с содержанием рукописи, печатать ее, несмотря на цензурное разрешение, побоялся. Тогда Радищев приобрел в долг печатный станок и организовал «вольную типографию» у себя на дому (по закону 1783 года всем желающим было разрешено заводить у себя такие «вольные типографии»).

В качестве первого опыта Радищев напечатал в своей домашней типографии в начале 1790 года небольшую брошюрку — писанное им много лет назад, в 1782 году «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске». В письме содержится описание открытия знаменитого фальконетовского памятника Петру I—«Медного всадника». Открытие памятника является для Радищева поводом высказать свою оценку дея-

тельности Петра. Радищев относится к ней безусловно положительно. Петр,—говорит Радищев,—не в пример многим другим царям, «коих ласкательство великими называет», является, действительно, «мужем необыкновенным, название великого заслужившим правильно». «И хотя бы,—поясняет Радищев,—Петр не отличился различными учреждениями, к народной пользе относящимися, хотя бы он не был победитель Карла XII, то мог бы и для того великим назваться, что дал первый стремление столь обширной громаде, которая яко первенственное вещество была без действия». Однако тут же Радищев сопровождает свое признание величия Петра характерной оговоркой: «Да не уличижуся в мысли твоей, любезный друг, превозносися хвалами столь властного самодержавца, который истребил последние признаки дикой вольности своего отечества. Он мертв, а мертвому льстити не можно! И я скажу, что мог бы Петр славнея быть, возносяся сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную; но, если имеем примеры, что цари оставляли сан свой, дабы жить в покое, что происходило не от великодушия, но от сытости своего сана, то нет и до скончания мира примера может быть не будет, чтобы царь уступил добровольно что-либо из своея власти, седяй на престоле». Эта концевка—совершенно в духе Радищева. И недаром Екатерина, заинтересовавшись после прочтения «Путешествия» и «Письмом», неодобрительно подчеркнула в нем ряд мест, а в конце заметила, что, как видно из «Письма», «давно мысль его (Радищева) готовилась по взятому пути».

Сейчас же по выходе в свет «Письма» Радищев в самом начале 1790 года приступил к набору и печатанию новой книги—«Путешествия из Петербурга в Москву». «Тискана же она с помощью его собственных людей», показал впоследствии Радищев. «Собственных людей» то есть, скорее всего, крестьян из Верхнего Аблязова, связь с которым Радищев не порывал и после возвращения из Лейпцига (так он

побывал у родителей в Аблязове незадолго перед своей женитьбой, в 1775 году). Таким образом, безымянные аблязовские крестьяне, предки нынешних колхозников «Родины Радищева», как называется колхоз в селе Верхнее Аблязово, деятельно помогали автору «Путешествия» в [illegible] книги, [illegible] с небывалой дотоле силой [illegible] помещичье-крепостническому строю!

Закончено печатание книги [illegible] 1790 года. [illegible] около 650 [illegible]. [illegible] только 25, [illegible] 7 [illegible] ему, либо тем, [illegible]. Несмотря на это, известие о [illegible] по смелости и прямоте [illegible] ших вопросов полити[illegible] быстро разнеслось по Петербургу. [illegible] книга была представлена [illegible] и, очевидно, с соответствующ[illegible] Екатерине. Напуганная в это время событиями все более и более разгоравшейся французской [illegible], Екатерина сразу же почувствовала [illegible] ционную зарядку «Путешествия». [illegible] разы французской отраженной [illegible] ла императрица 26 июня своему секретарю по прочтении первых же 30 страниц радищевской книги. «Намерение сей книги на каждом листе видно», тогда же записала она в «примечаниях» к «Путешествию», которые стала составлять в качестве руководящих указаний следственным властям. «Сочинитель оной наполнен и заражен французским заблуждением, ищет всячески и защищает всё возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа в негодование противу начальников и начальства». Скоро Екатериной было раскрыто и имя автора книги.

На следующий же день Воронцову, в качестве начальника Радищева, было послано предписание Екатерины допросить последнего обо всех обстоятельствах

написания и выпуска книги, с многозначительным и грозным предупреждением, что «чистосердечное его признание есть единое средство к облегчению жребия его». Не успело это приказание дойти до Воронцова, как новым письмом, написанным в тот же день, он предупреждался, что «спрашивать» Радищева не нужно, ибо его «дело пошло уже формальным следствием». Эта стремительная смена отменяющих друг друга распоряжений нагляднее всего свидетельствует о том почти паническом состоянии, в которое повергла императрицу книга Радищёва. Об этом красноречиво говорит и тон последующих «примечаний» Екатерины, который по мере чтения книги, по ее собственным словам изученной ею «от доски до доски», становится все более и более злобным и испуганно-негодующим.

Слухи о надвигающейся грозе дошли до Радищева заранее. Сознавая крайнюю опасность своего положения, он распорядился сжечь все остальные экземпляры «Путешествия». Небольшая часть их (еще около 25) была, повидимому, утаена исполнителями этого поручения и под рукой пущена в продажу.

30 июня Радищев был схвачен и брошен в казематы Петропавловской крепости. Вести следствие императрица поручила одному из самых страшных мастеров сыскных дел, пользовавшемуся среди современников зловещей репутацией «кнутобойцы», Шешковскому. Через руки этого «домашнего палача» Екатерины, как метко окрестил его Пушкин, прошел за пятнадцать лет до того и Пугачев. Рассказывают, что арестованный Радищев, отличавшийся вообще крайне нервновозбудимой, чувствительной организацией, только услышав, что к нему пришел «человек от Шешковского», упал в обморок. Эта минута слабости, конечно лишь еще сильнее оттеняет, подчеркивает замечательный героизм выступления Радищева, те присущие ему «удивительное самоотвержение» и «рыцарскую совестливость», по поводу которых пораженный Пушкин почти пятьдесят лет спустя воскликнул: «Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой

опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины». Волнение Радищева было совершенно естественно. Есть сведения, что Шешковский не применил по отношению к нему обычных пыток лишь потому, что был подкуплен свояченицей Радищева и его будущей женой Е. В. Рубановской, которая несколько позже, предваряя подвиг жен декабристов, поехала к нему в ссылку, в Сибирь, где и умерла.

В своих вопросах обвиняемому Шешковский точно следовал «примечаниям» на «Путешествие» Екатерины. В последнем из них, подводившем итог всем впечатлениям от прочитанного, Екатерина писала об авторе книги: «Вероподобие оказывается, что он себя определил начальником, книгою ли, или инако, исторгнуть скипетры из рук царей; но как сие исполнить один не мог, и оказываются уже следы, что несколько сообщников имел, то надлежит его допросить как о сем и о подлинном намерении и сказать ему, чтоб он написал сам, как он говорит, что правду любит, как дело было; ежели же не напишет правду, тогда принудит меня сыскать доказательство и дело его сделается дурнее прежнего». В соответствии с этим, одной из самых основных задач Шешковского и было выяснить столь волновавший Екатерину вопрос, не имел ли Радищев кого «сообщником к произведенню намерений, в сей книге изображенных». Радищев ответил на это категорическим отрицанием, принимая всю вину только на одного себя. И это мужественное заявление в основном соответствовало действительности.

Долгое время было распространено представление о совершенной беспочвенности радищевского выступления, якобы ни в какой мере не связанного с условиями русской действительности, с русской общественной средой, а порожденного исключительно тем запасом радикальных идей, которые он вынес за годы пребывания в Лейпциге из работ левых философов-просветителей вроде Гельвеция и Мабли, из сочинений Руссо и т. п. Исследователи, выдвигавшие это

утверждение, опираясь на свидетельство самого Радищева, то есть на его следственные показания. Однако они не хотели видеть и понять, что в устах заточенного в крепость Радищева, принудительно исповедывавшегося своему страшному «духовнику» (как звали Шешковского современники), усиленное подчеркивание чисто литературного происхождения и природы своего выступления (подражание западным философам) было лишь наиболее надежным защитным средством и к «облегчению его жребия», и к тому, чтобы ограничить следствие им одним, прекратить дальнейшие розыски «сообщников». Советским исследователям, действительно, удалось показать, что Радищев был довольно плотно окружен сочувственной общественной средой, установить достаточно оживленные литературные и общественные его связи. В русской научной, научно-публицистической и художественной литературе того времени также несомненно уже имелись элементы демократической идеологии. Всем этим безусловно доказывается, что в русской исторической действительности времени Радищева уже была почва для развития его революционной мысли.

Но подлинных единомышленников, способных подняться до той же высоты в революционно-критической оценке действительности, до какой поднялся Радищев в «Путешествии», по всем имеющимся данным, у него не было. «Путешествие» было, действительно, героическим выступлением мыслителя, ушедшего далеко вперед от своей эпохи, предпринятым не от лица какой-либо идеологически оформившейся общественной группы, тем более организации, а в порядке личного подвига, за свой страх и риск. Основоположник нашего революционного движения, Радищев был первым бойцом, зачинающим собой все расширяющийся вслед затем круг деятелей революции. Этим психологически об'ясняется и поведение Радищева во время следствия, и конечный трагический исход его жизни. Самодержавие обрушилось на него всей своей тяжестью: толщиной крепостных стен, недвусмысленными

угрозами Екатерины, зловещей фигурой кнутобойцы и палача Шешковского, готового пустить в ход все испытанные средства воздействия. Вместе с тем Радищеву дали понять, что единственным способом хоть сколько-нибудь облегчить свою участь является безоговорочное признание вины и полное раскаяние в ней.

Некоторые новейшие исследователи склонны рисовать в повышенно героических чертах и поведение Радищева в крепости. Но подвиг его так велик сам по себе, что совсем не нуждается в прикрашивании. Нет нужды рисовать Радищева каким-то сверхчеловеком, рыцарем без страха и упрека, не знающим ни упадка духа, ни «смятения чувств» — малейшей человеческой слабости. Одним из любимых исторических деятелей Радищева, имя которого он неоднократно упоминает в своих сочинениях, был Галилей. Позднее, в ссылке, Радищев прямо приравнивает свое положение к его судьбе. «Нужны обстоятельства, нужно их поборствие, а без того Иоган Гус издыхает во пламени, Галилей влечется в темницу, друг ваш в Илимск заточается». Галилей не только был заточен в темницу, но, как известно, был вынужден отречься от учения о движении земли вокруг солнца, в истинности которого был абсолютно убежден. При отсутствии «поборствующих» — помогающих—сил и обстоятельств вынужден был пойти путем отречения от своей книги и Радищев. Однако, это самоотречение Радищева было полностью насильственным. О Галилее рассказывают, что после своего отречения он снова произнес: «А все же она движется». Примерно, так же поступил и Радищев. В крепости, лишенный всех книг, кроме «священных», он начал писать повесть — переложение из Четий-Миней жития одного святого, так называемого Филарета Милостивого.

Повесть эта носила характер как бы духовного завещания Радищева своим детям, облеченного в форму художественных образов. Достоин, говорит Радищев, быть причтенным «к лицу праведных» тот человек, кто, «забывая даже свое благосостояние, старается

сжечлено облегчать бедствия себе подобных». Но ведь именно стремлением «облегчить» бедствия себе подобных» движим был сам Радищев, когда писал и печатал свое «Путешествие». Вообще рассказ Радищева о жизни Филарета Милостивого носит выраженно-автобиографический характер. Признавая в угоду своим тюремщикам и палачам создание «Путешествия» преступлением, Радищев в писавшейся им почти одновременно с показаниями повести о Филарете Милостивом говорит о том же самом, как о подвиге, подражать которому призывает своих детей. Неизвестно, понял ли это Шешковский, которому Радищев послал листы начатой повести, спрашивая, может ли он продолжать ее и будет ли она передана по назначению — доставлена детям, — но повести Радищеву он не вернул: она была приобщена к его делу и так и осталась незаконченной.

Через две недели после начала следствия Екатерина передала дело о Радищеве суду, обвиняя его за издание книги, которая «наполнена самыми вредными умствованиями, нарушающими покой общественный, умаляющими должное к властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвесть в народе негодование противу начальников и начальства, наконец, оскорбительными выражениями противу сана и власти царской». Внешне Екатерина старалась соблюсти позу полного беспристрастия и невмешательства. Передавая смертный приговор Радищеву, вынесенный Судебной палатой и утвержденный Сенатом, на рассмотрение Государственного совета, она велела об'явить от ее имени, что «презирает все, что в зловредной его, Радищева, книге оскорбительного особе ее величества сказано». Но именно оценка Екатериной книги Радищева, столь отчетливо выраженная в ее «примечаниях» и отзывах, целиком предопределяла вынесенный приговор. Указывая, что Радищев не только превозносит в своей книге Мирабо, «который не единой, но многия висельницы достоин», но что и сам он «бунтовщик хуже Пугачева», Екатерина прямо предре-

шала его судьбу. Пугачев был казнен, — к смертной казни через отсечение головы, головы, создавшей «Путешествие», приговорен был и Радищев. Екатерина и здесь стала в позу милосердия: смертный приговор был заменен ссылкой на десять лет в Сибирь. Однако, поза эта не обманула современников. «Какой приговор и какое смягчение за одну опрометчивость!», — восклицал граф С. Р. Воронцов в письме из Англии к брату, служебному начальнику Радищева, А. Р. Воронцову. «Что же сделают за преступление и за действительное возмущение? Десять лет Сибири хуже смерти для человека, имеющего детей, с которыми он должен разлучиться или которых он лишит воспитания и службы, если возьмет их с собой. Это заставляет содрогаться». Местопребыванием Радищеву был назначен один из самых глухих углов тогдашней Сибири, Илимский острог — небольшое поселение, меньше, чем с пятьюстами жителей, отстоящее почти на 7.000 верст от Петербурга (около тысячи верст от Иркутска). Один путь туда Радищева длился год и четыре месяца!

Вырвавшись из крепостных стен, Радищев снова гордо выпрямился. Об этом лучше всего свидетельствует небольшое стихотворение, написанное им во время проезда через Тобольск. Стихотворение это исполнено замечательного чувства личного достоинства и сознания исторического значения своего дела:

Ты хочешь знать: кто я? что я? Куда я еду? —
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу.
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду.

Действительно, писатель, первым у нас пострадавший за свои писания, Радищев прокладывал дорогу поэтам-декабристам, петрашевцам, Чернышевскому.

А. Р. Воронцов делал со своей стороны все возможное, чтобы облегчить положение Радищева. Ради-

щева повезли в оковах. Воронцов добился от Екатерины посылки вслед специального курьера, которому было приказано расковать его и снабдить всем необходимым в далеком и суровом зимнем пути. Ко всем губернаторам, через губернии которых должен был проезжать Радищев, Воронцов обратился с просьбой оказывать ему всяческое содействие, прибавляя, что он «поставляет оказанные ему услуги в личное себе одолжение». В течение всей ссылки Радищева Воронцов поддерживал с ним переписку, высылал ему книги.

За писание, как за лучшее средство наполнить и осмыслить свое ссыльное существование в глухом и диком сибирском захолустье, Радищев принимается сейчас же по приезде в Илимск. Меньше чем через две недели по прибытии туда он начинает работать над обширным философским трактатом «О человеке, его смертности и бессмертии», написанном, в основном, в материалистическом духе. Сохранял Радищев и живое внимание к окружающему. С величайшим интересом и любознательностью приглядывался он к столь мало исследованному тогда могучему сибирскому краю, особенно интересуясь, — что так характерно для автора «Путешествия», — бытом простого народа. Свои впечатления он живо излагает в дневниковых записях, в письмах к Воронцову. В ссылке, наряду с философским трактатом и поэмой в прозе о демоне «Ангел тьмы», дошедшей до нас в небольшом отрывке, он пишет историческую работу «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» и, по просьбе Воронцова, экономический трактат «Письмо о китайском торге».

В Илимске Радищев пробыл до начала 1797 года, то есть пять лет и один месяц. Павел I по восшествии на престол разрешил Радищеву, сократив срок его наказания на четыре года, вернуться в Россию и поселиться, без права выезда, под надзором полиции, в небольшом калужском имении, селе Немцове, выделенном ему отцом в собственность. Через некоторое время Радищеву удалось добиться разрешения побывать

у родителей, и в начале 1798 года он отправился с детьми на свою родину в село Верхнее Аблязово, где и пробыл весь год.

Под влиянием своих наблюдений над сельским хозяйством в Аблязове и Немцове Радищев принялся за писание специальной работы «Описание моего владения», посвященной в основном вопросам крестьянской экономики. Работа эта не только не докончена, но и вообще дает черновой, во многом недоделанный текст; но направление ее не вызывает сомнений. Обрисовав бесправное положение помещичьих крестьян по отношению к барину («земледелец есть раб...совершенно») и, указывая на обязанности их по отношению к государству, Радищев замечает: «Кажется, поелику поселянин платит подать, то он, дая удовлетворение тому, должен иметь собственность и проч.». Это неразвернутое замечание весьма многозначительно. Основной задачей работы Радищева было, очевидно, доказать государственную необходимость дарования крестьянину права собственности, которого он лишен при крепостничестве, когда помещик является полным «господином его имения и детей его, дает и от'емлет по своей воле»; причем дарование этого права рассматривается автором, как первый шаг по пути освобождения крестьян вообще: это прямо показывают слова: «собственность и проч.» Таким образом и по возвращении из Сибири Радищев снова, хотя и в иной форме—не в художественном произведении, а в сельскохозяйственном агрономическом трактате—ставит ту же цель, которая с такой энергией была выдвинута им в «Путешествии».

По возвращении из Сибири Радищевым написано и большинство его крупных стихотворных произведений: «забавная» поэма «Бова», «Песни, петые на состязаниях в честь древним славянским божествам», «Песнь историческая». Все эти произведения не закончены. Сюжет поэмы о «Бове» подсказан Радищеву популярной народной сказкой о Бове-Королевиче. Непосредственным толчком к «Песням, петым на состязаниях»

послужила опубликованная знаменитая древне-русская поэма «Слово о полку Игореве». В «Песнях» повествуется о борьбе древних новгородцев с иноземными захватчиками; заканчиваются они замечательным «пророчеством» о великом будущем, ожидающем русский народ:

О, народ, народ преславный!
Твои поздние потомки
Превзойдут тебя во славе
Своим мужеством изящным,
Мужеством богоподобным,
Удивленье всей вселенной,
Все преграды, все оплоты
Сокрушат рукою сильной,
Победят...природу даже, —
И пред их могущим взором,
Пред лицом их озаренным
Славою побед огромных
Ниц падут цари и царства.

В это же время написал Радищев и ряд мелких стихотворений. Огромное общественно-политическое значение «Путешествия из Петербурга в Москву» естественно заслонило собой все остальное литературное наследие Радищева. Однако, уже Пушкин очень ценил и стихи Радищева, подчеркивая важную роль, которую они сыграли в развитии русской поэзии.

После переворота 11 марта 1801 года—убийства Павла и восшествия на престол Александра I—Радищев был окончательно амнистирован и даже—по настоянию его давнего благожелателя Воронцова, сделавшегося одним из наиболее влиятельных сановников первых лет нового царствования,—призван к важной государственной деятельности, привлечен к работам специально созданной комиссии по составлению законов.

Изнемогавший в вынужденном бездействии последнего десятилетия, Радищев жадно рванулся к открывавшейся ему возможности работы важнейшего государственного значения. Знания в области права, вынесенные им из Лейпцига, развившиеся и

кренние и горячие мысли, создавшей «Путешествие», казалось, наконец-то были оценены и нашли себе применение. Неудивительно, что Радищев готов был поверить в реальность и прочность либеральной александровской «весны».

Мрачные тени созади, впреди их солнце;
Блеск лучезарный его твердой скалой огражен.
Там многотысячнолетны растаяли льды заблуждений
Но зри, стоит еще там льдяный хребет, теремясь,
Так и они—се воля господня—исчезнут растая
Да человечество в хлябь льдяну, трясясь,
не падет, —

писал Радищев в одном из своих самых примечательных стихотворений «Осмнадцатое столетие», относящемся как раз к этому времени, к 1801 году.

За работу в комиссии Радищев принялся с чрезвычайной горячностью. Им был не только написан для комиссии ряд «мнений», но составлена записка «О законоположении» и подготовлен обширный проект гражданского уложения. Принимал он непосредственное участие и в законодательных начинаниях А. Р. Воронцова. В своих проектах Радищев, оставаясь на почве возможной и осуществимой практической деятельности, не мог ставить вопрос о преобразованиях России с той широтой и глубиной, с какой он ставил его в своем «Путешествии». В них он не только не мог требовать уничтожения монархии, но даже настаивать на немедленном освобождении крестьян. Речь шла в них в основном о конституционных преобразованиях, намерение осуществить которые неоднократно заявлялось самим Александром I. Но и эти достаточно умеренные проекты Радищева оказались по тому времени нетерпимо радикальными. Не только ни одному из них не было дано хода, но на Радищева снова начали косо поглядывать в высших сферах. Пушкин передает, со слов современников, о характерной реплике по адресу Радищева его непосредственного начальника в комиссии, графа Завадов-

ского, удивленного «молодостью его седин»: «Эх, Александр Николаевич, охота тебе пустословить по-прежнему! Или мало тебе было Сибири?» Один из сыновей Радищева в своей биографии отца также рассказывает, что незадолго перед смертью Радищев обратился к детям со следующими словами: «Ну, что вы скажете, детушки, если меня опять сошлют в Сибирь?»

Не столько страх перед новой ссылкой в Сибирь, сколько глубокое разочарование в надеждах на нового царя, разочарование в возможности осуществления хотя бы даже той минимальной программы преобразований, с которой Радищев выступил в своих законодательных проектах, вызвали роковой исход. Одной из любимых мыслей Радищева была мысль о том, что самоубийство иногда является для человека своего рода гражданским долгом, которым он подтверждает свое право называться человеком, свое человеческое достоинство. Если нет другого исхода, смерть является своего рода торжеством над мучителем и тираном: «Терзанию, болезням, изгнанию, заточению,—писал Радищев в своем сибирском трактате «О человеке»,—всему есть предел непреоборимый, за которым земная власть есть ничто. Едва дух жизненный отлетит из уязвленного и изможденного тела, как вся власть тиранов ущербится, все могущество их исчезнет, раздробится сила; ярость тогда напрасна, зверство ничтожествовать принуждено, кичение смешно. Конец дней несчастного есть предел злобе мучителей и варварству посмеяние». Не видя другого пути, Радищев с мужеством древних стоиков стал на этот единственный, как ему казалось, оставшийся путь — осмеяния тирана. 11 сентября 1802 года Радищев принял смертельную дозу яда. Ночью Радищев умер.

2. КНИГА

В знаменитом предисловии—обращении к другу, которым открывается «Путешествие из Петербурга в Москву», сам Радищев так об'ясняет причину и цель написания им его книги: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры во внутренность мою—и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы. Ужели, вещал я сам себе, природа толико скупа была к своим чадам, что от блудящего невинно сокрыла истину на веки? Ужели сия грозная мачеха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Разум мой вострепетал от сея мысли. И сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. «От'ими завесу с очей природного чувствования—и блажен буду». Сей глас, глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и —веселие неизреченное! Я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благодействии себе подобных. Но если, говорил я сам себе, я найду кого-либо, кто намерение мое одобрит, кто, ради благой цели, не опорочит неудачное изображение мысли; кто состраждет со мною над бедствиями собратии своей; кто в шествии моем меня подкрепит; не сугубый ли плод произойдет от под'ятого

ьною труда?..»

Снять «завесу с очей», увидеть и показать другим доселе сокрытую истину, как она есть, лицом к лицу, взглянуть «прямо» на «окружающие предметы»—таков пафос радищевского «Путешествия»—пафос, который делает из него произведение, по основному заданию своему, глубоко-реалистическое. В «Путешествии» Радищев взирает на действительность «без очков»—глазами не кабинетного ученого, а взволнованным взором патриота, пламенного гражданина, страстно желающего счастья родной стране.

Совсем отсутствуют в «Путешествии» описания природы, всякого рода достопримечательностей. Внимание автора поглощено людьми, их жизнью, существующими между ними отношениями: «уязвленная» душа путешественника прикована к «страданиям человечества».

«Путешествие» Радищева является единственной в своем роде книгой по широте охвата явлений современной ему русской социальной действительности. Вопросы религии и права, этики и политики, экономики, отношений между сословиями, войны и мира, семейных отношений, положения женщины, воспитания и образования детей, просвещения и культуры (школа, печать, цензура)—не только ставятся в его книге, но и получают замечательное разрешение в духе самых радикальных и передовых идей эпохи французской революции: естественного права, общественного договора, верховной власти народа, политической свободы—«вольности», «естественного и гражданского равенства», нового понимания права собственности (земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает, помещики, использующие чужой труд, «суть варвары» и «грабители», их богатство им не принадлежит) и т. д.

Екатерина была вправе увидеть в книге Радищева «опорочивание всего установленного и принятого». Действительно, все стороны общественной и политической жизни и устройства самодержавно-крепостни-

ческой страны ставит замечательный революционный патриот Радищев на строгий и нелицеприятный суд и всему выносит безусловный и суровый приговор. По страницам «Путешествия» перед читателем последовательно проходят грубый и бесчеловечный формализм больших и малых [illegible] (люди тонут, а начальник Сестрорецка спокойно отвечает: «Не моя то должность»—в главе «Чудово»); лицемерие и раболепство властям со стороны высокопоставленных жителей Петербурга—«сего жилища тигров» (там же); злоупотребление служебной властью и выход «в люди» за потакание прихотям начальников (рассказ об «устерсах» в главе «Спасская Полесть»), «неправосудие», дикие судебные «жестокости» (там же); хищничество подрядчиков, «воровство» и «плутовство» купечества (Карп Дементьич в главе «Новгород»); жестокости и неправды государственной службы, являющейся при самодержавно-крепостническом строе неприкрытым орудием классового угнетения (история Крестьянкина в главе «Зайцово»); упадок общественных нравов, распутство и разврат (в главе «Яжелбицы»; Валдайские «разрумяненные девки» и любовная история Валдайского монаха — в главе «Валдаи»); обманы и беззакония вельмож (глава «Завидово»); алчность, грабеж и мучительство дворян - помещиков (глава «Пешки» и ряд других глав); наконец, безбрежное море страданий закрепощенного крестьянства.

Тема крепостного рабства стоит в центре всего «Путешествия». Уже на первой же почтовой станции, в Софии, по поводу «заунывной песни» ямщика, Радищев замечает о «скорби душевной», как основной ноте «русских народных песен». Скорбная и унылая песня ямщика является как бы музыкальным введением и ко всему «Путешествию», с самого начала сообщая ему определенную тональность. Картины тяжкой крестьянской неволи начинают развертываться с третьей же главы («Любани») — описание крестьянской пахоты в воскресенье. Со страшной силой скорби, не-

годования и гнева картины крепостного угнетения и насилий рисуются в главах «Зайцово» (зверское обращение с крестьянами асессора из придворных истопников), «Едрово» (осквернение помещиками крестьянок), «Хотилов» («Проект в будущем»), «Вышний Волочек» (рассказ о помещике, добившемся «цветущего состояния» своего имения ценою полного разорения крестьян), «Медное» (продажа крестьян с публичного торга), «Городня» (рекрутский набор), наконец «Пешки» (описание скудной, нищей и убогой крестьянской избы).

Во многих описаниях и картинах «Путешествия» повторяются темы и мотивы, уже встречавшиеся в нашей прежней литературе: в сатирических журналах Новикова, в комедиях Фонвизина. Однако, тон сатиры Радищева отличается небывалой дотоле резкостью и силой. Мало того, сатира Новикова и Фонвизина нападала на те или иные отрицательные явления действительности, как на исключения, как на некие «злонравные» отступления от существующего и действующего порядка. Отрицательным образам «злонравных» дворян—Простаковых, Скотининых — противопоставлялись образы добродетельных Правдиных и Стародумов. Даже в «Отрывке из путешествия в***» самого Радищева жуткому и зловещему быту деревни Разоренной противополагалась счастливая жизнь крестьян соседней деревни Благополучной. Эта точка зрения, усиленно, в значительной степени по цензурным соображениям, проводимая литературой того времени, нашла себе полное выражение в одном из замечаний Екатерины на книгу Радищева: «Лучшея судьбы наших крестьян у хорошего помещика нет во всей вселенной».

Прямо противоположна этому точка зрения Радищева в «Путешествии»: «Можно ли назвать блаженным гражданское положение крестьянина в России? Ненасытец кровей один скажет, что он блажен, ибо не имеет понятия о лучшем состоянии». В «Путешествии» благополучных деревень вовсе не существует. Время

от времени по страницам его мелькают положительные образы добрых дворян: добродетельный дворянин, прививающий своим детям здравые понятия о воспитании и семейных отношениях в главе «Крестцы», «добросердечный барин», о котором рассказывает рекрут в главе «Городня» и другие. Однако, их личные добрые качества не способны изменить что-либо в существующем положении вещей; в лучшем случае им дано лишь, как только что упомянутому «добросердечному барину», «рыдать над участию своих рабов». Самое добро, которое они делают, неизбежной силой существующего порядка, обращается в зло. Тот же добросердечный старый барин дает сыну своего крепостного дядьки воспитание наравне со своим собственным сыном, вместе с которым отправляет его продолжать образование за границу. Во время пребывания молодых людей в «чужих краях» старый барин умирает, не успев выполнить обещание дать своему Ванюше «отпускную», то есть освободить его от крепостной зависимости. Между тем, его сын, «сотоварищ» Ванюши, человек также по природе не плохой, но легкомысленный и слабохарактерный, женится на некой знатной «издмѣнной» особе, которая приказывает сдать Ванюшу в лакеи и превращает его жизнь в сплошную цепь унижений, издевательств и истязаний, переносимых им, в силу условий его воспитания, с особенной мучительностью. «Малейшее мнимое упущение,—рассказывает Ванюша,—влекло за собою пощечины, батожье, кошки. О, государь мой, лучше бы мне не родиться! Колико крат негодовал я на умершего моего благодетеля, что дал мне душу на чувствование. Лучше бы мне было возрасти в невежестве, не думав никогда, что есмь человек всем другим равный».

Ни к чему не приводит стремление и другого «человеколюбивого» дворянина «делать добро», пользуясь своим служебным положением председателя уголовной палаты. После неудачного заступничества за крестьян,

убивших в порядке самозащиты зверя-помещика, ему ничего не остается, как подать прошение об отставке, да бесплодно «оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния».

Для Радищева зло—не исключение, как для его литературных предшественников, а правило, основная формула самодержавно-рабской действительности. При этом, описывая отдельные случаи, изображая частные формы и проявления зла, неправды и насилий, Радищев неизменно связывает их с общим злом самодержавно-крепостнического строя, как их основным и неизбежным источником.

«Сочинитель не любит царей, и где может к ним убавить любовь и почтение, тут жадно прицепляется с редкою смелостию»,—написала Екатерина в одном из своих примечаний на «Путешествие». И, действительно, самодержавие, царизм, наряду с рабством, является второй основной мишенью книги Радищева.

Царь, «злодей злодеев всех лютейший», — главный виновник совершающегося «зла»—таково основное утверждение его книги, подготовляющееся с первых же ее страниц и выдвигаемое им в ряде последующих мест со все усиливающейся энергией и определенностью. «Возможно ли,—восклицает рассказчик «Систербецкой повести» (глава «Чудово»), —что в наш век, в Европе, подле столицы, в глазах великого государя совершалося такое бесчеловечие!» «Возможно ли,— спрашивает себя в следующей главе сам автор-путешественник, выслушав рассказ о разбитой неправосудием жизни повстречавшегося в пути незнакомца,—чтобы в толь мягкосердое правление, каково ныне у нас, толикие производилися жестокости?» Ответом на все эти недоуменные вопросы является знаменитый сон путешественника, о котором рассказывается в той же главе.

Сон является одним из самых «криминальных» мест «Путешествия», представляя собой исключительный по яркости, смелости и недвусмысленности изображения

памфлет на самое Екатерину и ее ближайших пособников. Недвусмысленность этого памфлета так определенна, что в изображении, например, военачальника, вместо борьбы с врагом «утопавшего в роскоши и веселии», а воинов своих почитавшего «хуже скота», Потемкин не мог не узнать себя. «Я прочитал присланную мне книгу,—писал он о «Путешествии» Екатерине.—Не сержусь. Рушеньем Очаковских стен отвечаю сочинителю. Кажется, матушка, он и на вас возводит какой-то поклеп...» Не могла не узнать себя и Екатерина. Прямо заявляя, что царь «Сна» прослыл в народе «обманщиком, ханжею и пагубным комедиантом», Радищев бьет по самому ее уязвимому месту—несоответствию слов и дел,—показного блеска, пышного, декоративного фасада империи и удручающих картин крепостного угнетения—«стенаний» порабощенного народа.

В центральном месте «Сна»—встрече царя с «неизвестной странницей»—«Прямовзорой», «Истиной», снимающей царю бельма с глаз, после чего «все вещи» начинают представляться ему «в естественном их виде»—аллегорически выражена основная тема всей книги. В «Сне» беспощадно разоблачается ореол величия, блеска и славы, которым Екатерина стремилась окружить себя в сознании современников. Начинается «Сон» описанием «лучезарного» царского «величества», ведущимся в тонах хвалебной оды. «Место моего восседания было из чистого злата и хитро искладенными драгими разного цвета каменьями блистало лучезарно. Ничто сравниться не могло со блеском моих одежд. Глава моя украшалася венцом лавровым. Вокруг меня лежали знаки, власть мою изъявляющие. Здесь меч лежал на столпе, из сребра изваянном, на коем изображалися морские и сухопутные сражения, взятие городов и прочее сего рода; везде видно было вверху имя мое, носимое Гением славы, над всеми сими подвигами парящия. Тут виден был скипетр мой, возлежащий на снопах, обильными класами отягченных, изваянных из чистого злата... В некотором отдалении от престола моего, толпи-

лося бесчисленное множество народа, коего разные одежды, черты лица, осанка, вид и стан, различие их племени возвещали...»

Тем разительнее та картина, которая противопоставляется Радищевым этой одической действительности. Торжественная ода в дальнейшем течении «Сна» превращается в хлещущую сатиру. После операции, учиненной «глазным врачом»—«Прямовзорой», во всем происходит страшная перемена. Пышность и блеск оказываются грязью и кровью. Вот что увидел прозревший царь: «Одежды мои, столь блестящие, казалися замараны кровию и омочены слезами. На перстах моих виделися мне остатки мозга человеческого; ноги мои стояли в тине». Аналогичное превращение происходит и с царским двором: «Вокруг меня стоящие являлися того скареднее. Вся внутренность их казалась черною и сгараемою тусклым огнем ненасытности. Они метали на меня и друг на друга искаженные взоры, в коих господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть». С действительности таким образом стираются все краски традиционной одописи. [illegible] славили процветание, мир, тишину и устройство созданной российскими монархами империи помещиков и купцов. Радищев готов опрокинуть до основания это устройство, «ищет свободы», истребить до тла цивилизацию, основанную на рабстве и эксплоатации: «Блаженно государство, говорят, если в нем царствует тишина и устройство. Блаженно кажется, когда нивы в нем не пустеют и во градех гордые вздымаются здания... Но все сии блаженства можно назвать внешними, мгновенными, преходящими, частными и мысленными... Сто невольников, пригвожденных ко скамьям корабля, веслами двигаемого в пути своем, живут в тишине и устройстве; но загляни в их сердце и душу. Терзание, скорбь, отчаяние».

Наибольшей силы анти-монархическая, противоцарская направленность книги Радищева достигает в оде «Вольность», самые яркие политические места которой

полностью приведены в «Путешествии». «Ода совершенно явно и ясно бунтовская, где царям грозится плахою. Кромвелев пример приведен с похвалами. Сии страницы суть криминального намерения, совершенно бунтовские»,—записала в связи с ней Екатерина.

Тема «злых царей»—тиранов была вообще одной из излюбленных тем нашей литературы XVIII века. Однако, при этом «злым царям» всегда противопоставлялись цари добрые, воплощением которых обычно и являлись царствующие монархи из дома Романовых. Подхватывая эту традиционную тему, Радищев придает ей в «Путешествии» совсем новое звучание, подобное тому, какое придано им теме «злонравных» дворян-помещиков. Нет злых и добрых царей, ибо царская власть сама по себе является безусловным злом, неизбежно развращая тех, кто облечен ею. Мысль эта постоянно проводится в «Путешествии».

Прямо говорится о зле царской власти, как таковой, и в оде «Вольность»:

Чело надменное вознесши,
Схватив железный скипетр, царь,
На громном троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
«По воле, рек, щажу злодея,
Я властию могу дарить;
Где я смеюсь, там все смеется;
Нахмурюсь грозно, все смятется.
Живешь тогда, велю коль жить».
И мы внимаем хладнокровно..

...Как алчный змий, ругаяся всем, отравляет дни веселия и утех. Но хотя вокруг твоего престола все стоят преклонше колена, трепещи, се мститель грядет, прорицая вольность...»

В «Путешествии» Радищев замечательно выполнил поставленную им себе задачу: заглянул в русскую социальную действительность так глубоко, как это не смог сделать ни один из его предшественников и совре-

менников. Мало того, Радищев не только показал во весь рост основное зло русской действительности своего времени—самодержавие и крепостничество,—но и впервые поставил перед русским общественным сознанием, в качестве главной задачи, необходимость беспощадной,—не на жизнь, а на смерть,—борьбы с ним. Тем самым Радищев предуказал основные пути нашего исторического развития, развития нашей общественной мысли, нашего революционного движения, завершающегося победой народной революции, победой, конечную неизбежность которой Радищев также предвидел и восторженно предвещал в своей книге: «О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровию нашею обагрили нивы свои! что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулися великие мужи, для заступления избитого племени, но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишенны.—Не мечта сие, но взор проницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую. Я зрю сквозь целое столетие».

Только что приведенная цитата замечательна и тем, что Радищев смело разрешает здесь проблему отношения народной революции и культуры, проблему, которая своей кажущейся неразрешимостью будет мучить столько последующих наших писателей и мыслителей на протяжении всего XIX века, перед которой отступят декабристы, которая тревожным вопросом станет перед Пушкиным. Для Радищева проблема эта разрешается в результате его горячей веры в народ, который сумеет выдвинуть другую, свою интеллигенцию, создать новую, свою, неизмеримо более высокую, культуру: «Скоро бы из среды их исторгнулися великие мужи, для заступления избитого племени, но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишенны».

Во всей нашей художественной литературе почти нет

произведения с [illegible] революционной зарядки, чем «Путешествие» Радищева. По своей форме и стилю книга Радищева стоит еще только у истоков нашего художественного реализма, но по глубине взгляда, «проницающего» действительность, по изумительной верности в постановке и намечаемом разрешении основных задач, стоявших перед русским обществом, перед русским народом, «Путешествие из Петербурга в Москву» является одним из самых реалистичных произведений нашей литературы.

Тема народной революции, которую Радищев страстно ждет, к которой пламенно, грозным голосом пророка и судии, призывает, проходит через всю его книгу. С горечью неоднократно показывая, что крестьянин лишен всех гражданских прав—«в законе мертв», Радищев тут же с силой прибавляет: «Нет, нет, он жив, он жив будет, если того восхочет...» (глава «Едрово»). Смысл этих слов не вызывает сомнений. Недаром Екатерина заметила, что «сии есть примечания достойны и суще возмутительны». «Все те, кто мог бы свободе поборствовать,—пишет Радищев в главе «Медное»,—все великие отчинники (крупные помещики—Д. Б.) и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения». «Надежду полагает на бунт от мужиков»,—правильно комментирует Екатерина. В оде «Вольность» Радищев восторженно мечтает о «дне, избраннейшем всех дней»—неизбежном дне грядущей народной революции: «Следующие восемь строф,—излагает он в «Путешествии» содержание оды,—содержат прорицание о будущем жребии отечества, которое разделится на части (будущее устройство России Радищев представлял себе, как федерацию.—Д. Б.) и тем скорее, чем будет пространнее. Но время еще не пришло. Когда же оно наступит, тогда

Возтрещат заклепы тяжкой ночи.

Упругая власть при издыхании приставит стражу к слову и соберет все свои силы, дабы последним махом раздавить возникающую вольность...

Но человечество возревет в оковах, и направляемое надеждою свободы и неистребимым природы правом, двинется... И власть приведена будет в трепет. Тогда всех сил сложенье, тогда тяжелая власть

Развеется в одно мгновенье.
О день избраннейший всех дней!
Мне слышится уж глас природы,
Начальный глас, глас божества.
Мрачная твердь позыбнулась, и вольность воссияла».

Некоторые страницы «Путешествия» написаны прямо языком революционных прокламаций, призывающих к немедленному вооруженному восстанию: «Сокрушите орудия его земледелия,—восклицает Радищев, рассказывая о разорившем своих крестьян помещике—«кровопийце», —сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепел по нивам, на них же совершалося его мучительство». Правда, слова эти обращены к блюстителям закона, которые, иронически пишет Радищев, «хотят называться мягкосердыми» и носят «имена попечителей о благе общем», но это не снимает революционной зарядки этого обращения, в особенности, имея в виду вышеприведенную оговорку Радищева о том, что все носители политической силы и власти в стране—«великие отчинники», и не от них должно ждать облегчения крестьянской участи. Мало того, в «Путешествии» Радищев прямо признает право крестьян отвечать ударом на удар, обидой за обиду («Если я кого ударю, тот и меня ударить может»), оправдывает убийство крестьянами зверя-помещика.

Народ, крепостное крестьянство привлекает к себе особенно сочувственное внимание и Радищева-художника. В такой же мере, как книга Радищева богата проблемами, насыщена она и образами русской действительности. В «Путешествии» перед нами проходят представители почти всех «чинов» и состояний и самых различных профессий русского общества того времени: цари, вельможи, придворные, дворяне-помещики (наследственные и вышедшие «из самого низкого состоя-

что крестьяне, убившие при этом самого зверя-помещика из бывших придворных лакеев, такого же зверя — его жену — и не меньших зверей — двух сыновей, — были «невинными убийцами», ибо действовали в порядке законной самозащиты. В самых симпатичных тонах обрисован и сочувственно вступающийся за крестьян председатель уголовной палаты Крестьянкин, которого остальные дворяне укоряют тем, что он происходит из «однодворцев» и «сам в молодости своей изволил ходить за сохою». В главе «Едрово» дан замечательный образ крестьянской девушки Анюты — прямое предшествие героических народных женских образов Некрасова.

В главе «Медное» развернута трагическая судьба крепостных, продаваемых с публичного торга. На продажу выставлен «старик лет в 75», деливший походы с отцом своего промотавшегося «молодого барина», неоднократно спасавший его жизнь, затем бывший преданнейшим дядькой «молодого барина»: «Во младенчестве он спас его от утопления, бросясь за ним в реку, куда сей упал, переезжая на пароме, и с опасностью своей жизни, спас его. В юношестве выкупил его из тюрьмы, куда посажен был за долги, в бытность свою гвардии унтер-офицером». Возле него восьмидесятилетняя старуха, его жена — кормилица матери молодого барина и его нянька. Подле них — кормилица самого молодого барина и ее восемнадцатилетняя дочь, которую последний после тщетных попыток прельщения, выдал замуж за одного из своих послушных челядинцев и, под его видом, обманно овладел ею; на руках ее грудной младенец — «живой слепок» барина: «Родив его, позабыла отцово зверство, и сердце начало чувствовать к нему нежность. Она боится, чтобы не попасть в руки ему подобного». Тут же и «детина лет в 25, венчанный ее муж, спутник и наперсник своего господина». Теперь он понял — но поздно, что он сделал: «Зверство и мщение в его глазах. Раскаивается о своих к господину своему угождениях. В кармане его нож; он его схватил крепко; мысль его отгадать

ния»), крупные и мелкие чиновники, купцы, мещане, семинаристы, монахи, иностранные искатели приключений. Но чаще всего и всего любовнее показывает Радищев образы людей из народа, рисует картины жизни и быта крестьянства. В главе «Любань» дается изображение бодрого крестьянского труда. Несмотря на знойный полуденный час и праздник—воскресенье, крестьянин пашет свою ниву «с великим тщанием», «соху поворачивает с удивительною легкостью». «Нива, конечно, не господская»,—замечает путешественник. Действительно, выясняется, что крестьянин всю неделю работает на помещика: «В неделе-то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину, да под вечером возим оставшее в лесу сено на господский двор, коли погода хорошая; а бабы и девки для прогулки ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды»—тоже, очевидно, для помещика. Тяжело житье барщинного крестьянина; но еще тяжелее оно там, где поместье сдается помещиком в аренду, и крестьянам приходится работать на арендатора. «Ныне еще поверье заводится отдавать земли на аренду,—рассказывает путешественнику тот же крестьянин,—а мы называем это отдавать головой. Голый наемник дерет с мужиков кожу; даже лучшей поры нам не оставляет. Зимою не пускает в извоз, ни в работу в город; все работай на его, для того, что он подушные платит за нас. Самая дьявольская выдумка отдавать крестьян своих чужому в работу. На дурного прикащика еще можно пожаловаться, а на наемника кому?»

В главе «Чудово» показывается мужество, вплоть до готовности жертвовать собой, и отзывчивость простых людей—лодочников и солдат, проступающие особенно резко по контрасту с равнодушием, холодным эгоизмом и «жестокосердием начальника». В главе «Зайцово» демонстрируются чувства солидарности крестьян, заступающихся за своего товарища, над невестой которого «дворянчик», помещичий сынок, хотел совершить насилие. Радищев убедительно доказывает,

не трудно... Бесплодное ревние. Достанешься другому». Все эти люди распроданы поодиночке и должны навсегда расстаться друг с другом.

В главе «Городня» рассказывается драматическая повесть крепостного интеллигента, который во время рекрутского набора, среди всеобщих воплей, слез и рыданий, один сохранял бодрый и веселый вид: его положение дворового в барской семье, как мы уже знаем, таково, что даже столь ужасавшая всех сдача в рекруты была для него желанным облегчением.

С необычайным вниманием и сочувствием присматривается и прислушивается Радищев и к проявлениям духовной жизни народа—к народному искусству, народному творчеству. В главе «Клин» описывается слепой нищий, поющий «народную песнь»—легенду об Алексее божием человеке, среди жадно внимающей ему толпы крестьян. Не в пример «жителям Москвы и Петербурга», которые равнодушно внимают заученному «кудрявому напеву» прославленных оперных итальянских певцов и певиц, слушающие крестьяне вместе с самим певцом подлинно переживают то, о чем им поется.

Во время одного из самых трогательных мест песни слезы текут по щекам самого певца, громко рыдают женщины в толпе, с грустной и суровой «важностью» слушают мужчины.

Народные песни для Радищева—лучший путь к пониманию национального характера, раскрывающегося в самом «голосе»—мелодии русских песен: «Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее. Все почти голоса таковых песен суть тону мягкого—на сем музыкальном расположении народного уха умей учреждать бразды правления. В песнях найдешь образование души нашего народа». В свою очередь национальный характер определяет пути исторического развития народа. Народ—крестьянин, «бурлак»,—как основной двигатель русской истории—такая постановка проблемы со-

вершенно переворачивала все традиционные представления нашей литературы XVIII века, в сознании которой историю делали цари, полководцы, вельможи. В XIX веке радищевская точка зрения ляжет в основу философии истории пушкинского «Бориса Годунова».

Мысль о народе, как основном «герое» истории, с предельной четкостью и силой развивается в оде Радищева «Вольность». Все делает народ, который и является единственным подлинным источником государственной мощи, богатства и процветания. Цари—лишь забывшие свою обязанность слуги народные. Судия-народ грозно обращается в оде к влекомому им на плаху преступнику-царю:

Преступник власти, мною данной!
Вещай, злодей, мною венчанный,
Против меня восстать как смел?
. . . .
Своих кровей я без пощады
Гремящую воздвигнул рать;
Я медны извалл громады,
Злодеев внешних чтоб карать.
Тебе велел повиноваться,
С тобою к славе устремляться,
Для пользы всех, мне можно все.
Земные недра раздираю,
Металл блестящий извлекаю,
На украшение твое.

Но ты, забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя,
Себе в утеху быть венчанну,
Возмнил, что ты господь, не я;
Мечом мои расторг уставы,
Безгласными поверг все правы,
Стыдиться истине велел,
Расчистил мерзостям дорогу,

Взывать стал не ко мне, но к богу,
А мной гнушаться восхотел...

«Путешествие» начинается песней ямщика; заканчивается оно «Словом о Ломоносове». И эта «концовка» не случайна, а является результатом глубоко продуманного идейно-художественного построения Радищевым его книги.

Вышедший в полном смысле этого слова «из среды народныя», крестьянин Ломоносов был для Радищева живым подтверждением и залогом его чаяний и надежд на будущую народную русскую культуру. Весьма важно для самосознания Радищева, что в качестве подобного же посланца народа, на этот раз вышедшего «из среды народныя» для того чтобы—впервые на протяжении целого столетия—вещать истину царю, рассматривал он и себя как автора «Путешествия» (*см. сон в «Спасской Полести»*).

Исключительное внимание Радищева-мыслителя и Радищева-художника к народу — крестьянству, равно как самый характер художественного показа им образов людей из народа были совершенно новым и чрезвычайно значительным явлением в нашей литературе. До Радищева крестьянские персонажи выводились, обычно в подчеркнуто карикатурном виде. Если же среди подобных крестьян и крестьянок оказывался некий положительный образ, то в развязке обычно выяснялось, что данный персонаж на самом деле «благородного» происхождения. Такова, например, «крестьянка» Анюта из популярной одноименной комической оперы М. Попова, которая неожиданно оказывается дворянкой и дочерью полковника. Даже один из самых выдающихся прозаиков XVIII века, Михаил Чулков, сочувственно описывая в своей повести «Горькая участь»—произведении в этом отношении в до-радищевской литературе исключительном—тяжкую долю крестьянина, одновременно находит нужным наименовать последнего подчеркнуто комически—Сысой Дурносопов. Даже Фонви-

зин в своем сатирическом «Послании к слугам» явно смотрит на них сверху вниз, с барской снисходительностью.

Радищев, наоборот, в ряде случаев склонен смотреть на рисуемые им образы крестьян снизу вверх. С особой силой народолюбие Радищева проступает в изображении им едровских крестьянок. Едровская Анюта и ее товарки для Радищева—живое олицетворение «природы», «натуры», не испорченной городской цивилизацией. Их здоровье, невинность душевная, естественность чувств не только резко противопоставляются Радищевым развращенным «московским и петербургским боярынькам», но и являются для него своего рода целебным источником, в прикосновении к которому единственная возможность исцеления от язв развратной городской дворянской культуры: «Анюта, Анюта, ты мне голову скружила! Для чего я тебя не узнал лет 15 тому назад. Твоя откровенная невинность, любострастному дерзновению неприступная, научила бы меня ходить во стезях целомудрия. Для чего первый мой в жизни поцелуй не был тот, который я на щеке твоей прилепил, в душевном восхищении. Отражение твоея жизненности проникнуло бы во глубину моего сердца, и я бы избегнул скаредностей, житие мое исполнивших...» и т. д.

Впервые намечается здесь типичная ситуация, которая ляжет в основу стольких произведений нашей последующей литературы от «Бедной Лизы» Карамзина до романтических поэм Пушкина, до «Казаков» Льва Толстого и далее: противопоставление «природы» и цивилизация в образах испорченного горожанина и невинной дочери народа.

Однако, только что приведенное место, в котором образы крестьянок даются Радищевым в несколько приподнятом, литературно-романтизированном виде, никак не определяет стиля «Путешествия» в целом. Радищев, как уже указывалось, был последователем общеевропейского литературного направления того вре-

нения—сентиментализма. Сам он подчеркивал, что образцами для его «Путешествия» послужили знаменитое «Сентиментальное путешествие» одного из родоначальников сентиментализма, английского писателя Стерна, и «История двух Индий» французского публициста-просветителя Рейналя. Однако, связь между «Путешествием» Радищева и обоими этими произведениями носит только формально литературный характер. Наоборот, в содержании своего «Путешествия» Радищев полностью верен подлинной русской действительности.

Прежде всего большая часть повествуемых Радищевым случаев и эпизодов не придумана им и не заимствована из литературных источников, а почерпнута прямо из жизни.

В письме к Екатерине из крепости Радищев сам отмечал это: «На мысль мне пришли многие случаи, о которых я слыхивал, и, дабы немного рыться, я вознамерился их поместить в книгу сию». В ответах на следственные вопросы Шешковского он также ссылался на «народную молву», как на непосредственный источник многого, описанного им в книге. О случае с «приятелем» путешественника Ч. (возможно, лейпцигским товарищем Радищева, Челищевым), чуть не утонувшим по пути в Сестрорецк, в тех же ответах он показывал: «Происшествие, в Чудове описанное, было в самом деле». По поводу другого рассказываемого случая – попытки крестьян во время «пугачевского возмущения» «казнить» помещика, «омерзившего» в своей деревне шестьдесят крестьянских девушек,—Екатерина в своих примечаниях заметила: «Едва ли не история Александра Васильевича Салтыкова». Помимо «слышанного», «народной молвы», источником для Радищева могли служить и многие документальные данные по крестьянским делам, с которыми он знакомился во время службы в Сенате, как и вообще различные казусы из его собственной служебной практики. «Знание имеет купецких обманов,— замечала Екатерина по поводу главы «Новгород»,—чего у таможни (т. е. во время службы

Радищева, в таможне.—Д. Б.) легко пригладеться можно».

Но в самом отборе и подаче [illegible] фактов в Радищеве сказываются глаз и рука писателя-художника. Излагаемые им частные, единичные [illegible] приобретают общий, типический характер. Например, в связи с описанием Радищевым помещика, который путем совершенного разорения [illegible] крестьян добился репутации «знаменит[illegible]» (в главе «Вышний Волочек»). Пушкин [illegible] единичный случай с лично знакомым ему помещиком-«тираном».

То же самое имеем и в [illegible] Радищевым различных представителей [illegible] действительности. Свои «силуэты», говоря его [illegible], он рисует прямо с натуры; вместе с [illegible] Радищеву удается сообщить им [illegible] типический характер. Таково знаменитое [illegible] представителя новоявленной российской буржуазии, [illegible] в себе старую купеческую [illegible] с [illegible] хваткой дельцов нового [illegible] купца Карпа Дементьича и его семьи.

«—Карп Дементьич—седая борода, в восемь вершков от нижней губы. [illegible] брови как смоль, кланяется [illegible] бороду гладит, всех величает: «благодетель мой». Аксинья Парфентьевна, любезная его супруга. В [illegible] бела, как снег, и красна, как маков цвет, губки всегда сжимает кольцом, ренского [illegible] полчарочки при гостях да в [illegible]. Прикащик мужнин хозяину [illegible] показывает: «...По приказанию Аксиньи Парфентьевны [illegible] запасу 3 пуда белил [illegible] и 30 [illegible] листовых...» Прикащики [illegible] Алексей Карпович... Ни [illegible] ни бороды, а нос уже багровый, бровями моргает, [illegible], кланяется гусем, отряхая [illegible]. В Петербурге был сидельцем. Н[illegible] мерж-

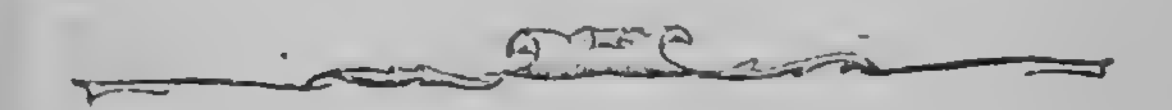
ет, то спускает на вершок; за то его отец любит, как сам себя, на пятнадцатом году матери дал оплеуху.— Парасковья Денисовна его новобрачная супруга бела и румяна. Зубы, как уголь. Брови в нитку, чернее сажи. В компании сидит потупя глаза, но во весь день от окошка не отходит и пялит глаза на всякого мужчину. Под вечерок стоит у калитки.—Глаз один подбит. Подарок ее любезного муженька, для первого дня, а у кого догадка есть, тот знает за что». Здесь уже даны первые абрисы будущих купцов и их «благоверных» супруг в пьесах Островского.

Заслуживает особенного внимания, что Радищеву даже и в некоторых его обличительно-сатирических зарисовках удается подчас избежать того прямолинейного схематизма, который неизбежно был присущ почти всей нашей литературе XVIII века до сатирических журналов Новикова включительно. Недаром в числе величайших представителей мировой литературы, наряду с Мильтоном и Вольтером, неоднократно называется им и Шекспир, писатель, славящийся широтой и многосторонностью в изображении человеческих характеров. Даже некоторые из «жестокосердных» помещиков, с таким негодованием и неприязнью рисуемые в «Путешествии», показаны злодеями не столько в психологическом, сколько в социальном плане. Среди них есть и просто неплохие люди, которые, однако, развращены самым институтом крепостничества - рабства. «Справедливость надлежит отдать бывшему моему господину, — рассказывает путешественнику жестоко истязавшийся своими господами и, наконец, сданный ими в рекруты крепостной интеллигент,—что он много имеет хороших качеств, но робость духа и легкомыслие оные помрачают». Встречаем в «Путешествии» и ряд замечательно правдивых, верных действительности зарисовок людей из народа.

Во всем этом сказываются явно-реалистические тенденции Радищева-художника. С особенной силой они проявляются в передаче им языка своих персонажей,

Чуть ли не большая часть содержания всего «Путешествия» излагается в форме рассказов о себе самых разнообразных лиц, встречающихся путешественнику в его пути (подьячего в Тосне, приятеля в Чудове, дворянина из купцов в Спасской Полести, семинариста в Подберезье, судьи из однодворцев в Зайцове и т. д.), разговоров с ними, разговоров их между собой, передаваемых подчас прямо в форме диалога (разговор сводни и ее подруги в Зайцове), и т. п. И это сознательный прием. Каждый из рассказчиков или собеседников говорит своим, особым, метко-индивидуализированным языком, соответствующим его социальному положению, профессии (ср. хотя бы рассказ «присяжного» — мелкого судейского чиновника — об «устерсах» в Спасской Полести с рядом рассказов дворян-интеллигентов, рассказ о себе семинариста с разговором любанского крестьянина или с рассказом об Анюте едровского ямщика). В книге Радищева пестрая, разнообразная, многоликая социальная действительность, мелькающая перед путешественником и составляющая главный предмет его внимания, интереса, сострадающего сочувствия, словно бы сама говорит всеми своими голосами.

Подводя итоги всему сказанному, можно смело утверждать: «Путешествие из Петербурга в Москву» — самое беспощадно обнаженное, самое бичующее изображение самодержавно-крепостнического строя во всей нашей дореволюционной литературе. Неудивительно, что царские правительства — от Екатерины II до Николая II — делали все от них зависящее, чтобы не дать этого изображения в руки читателю.

3. СУДЬБА КНИГИ

Одновременно с [illegible] расправой над самим Радищевым была учинена еще более жестокая расправа над его «Путешествием». Наряду с арестом автора Екатерина предписала принять строжайшие меры к тому, чтобы эта [illegible] книга «нигде в продаже и напечатанной здесь не была». Между тем интерес к «Путешествию» был громадный. Рассказывают, например, что за экземпляр книги платили по 25 рублей в час (сумма по тем временам огромная!) только за возможность ее прочтения. С «Путешествия» начали делаться и многочисленные списки. Сведения о нем и отдельные отрывки проникали в европейскую прессу. Но в целом книга оставалась за семью печатями.

Амнистия самому Радищеву также ни в какой мере не распространялась на его книгу. Больше того, почти пятьдесят лет спустя, в 1836 году, Пушкин попытался опубликовать статью о Радищеве и его книге в своем журнале «Современник». Однако, несмотря на полемический по отношению к автору «Путешествия» тон статьи, она не была разрешена к печати министром народного просвещения Уваровым, нашедшим «неудобным и совершенно излишним возобновлять память о писателе и книге, совершенно забытых и достойных забвения». Царское правительство, действительно, делало все возможное для того, чтобы заставить вовсе

забыть Радищева, и на некоторое время даже успело в этом. Так, например, факт весьма характерный и показательный,—Герцен, выпустив в 1851 году за границей, на французском языке, свою известную работу «О развитии революционных идей в России», не только ничего не пишет о «Путешествии» Радищева, но даже не упоминает самого его имени. Опасения Уварова, что статья Пушкина о Радищеве может напомнить о нем русскому читателю, были вполне основательными. По-видимому, именно эта статья, впервые опубликованная только через двадцать лет по смерти Пушкина в собрании его сочинений 1857 года, и «напомнила» о Радищеве Герцену, который блестяще загладил свой непростительный пропуск, выпустив в 1858 году, через шестьдесят восемь лет после выхода «Путешествия» в свет, в Лондоне новое его издание, напечатанное по одному из списков. Лондонское издание снова оживило интерес к Радищеву.

Однако все попытки вновь переиздать «Путешествие» в России в течение еще полвека ни к чему не приводили. Формально в 1868 году запрет с «Путешествия» был снят. Тем не менее в начале 70-х годов два тома сочинений Радищева, включавшие в себя и «Путешествие» (с пропусками наиболее резких мест) и полностью отпечатанные, были еще до выхода их в свет уничтожены по специальному решению комитета министров. В конце восьмидесятых годов А. С. Суворину удалось добиться разрешения напечатать «Путешествие», но в количестве всего ста экземпляров; попытки же выпустить издание «Путешествия», доступное хоть сколько-нибудь широкому читателю, продолжали оставаться бесплодными. В 1903 году новое издание «Путешествия», отпечатанное сравнительно большим по тому времени тиражом (2.900 экземпляров), также было уничтожено еще до выхода в свет. Раскрепостила запретную книгу Радищева только русская революция, так прозорливо за сто с лишком лет им предугаданная. Первое полное и научное издание

«Путешествие» смогло появиться только в год первой революции, в 1905 году.

Несмотря на все это, Радищев продолжал жить в сознании русской литературы. «Муза мести и печали», которая пришла с ним в нашу литературу, никогда больше не покидала ее. Уже при жизни Радищева вокруг него сгруппировался кружок молодых поэтов во главе с И. П. Пниным, объединившихся в «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств». «Поэты-радищевцы», как их теперь называют, подхватили идейные лозунги и тенденции своего учителя и продолжали разрабатывать их в своем творчестве, значительно ослабив, однако, революционную силу радищевского протеста. Неизмеримо значительнее в историко-литературном отношении было несомненное и многообразное воздействие Радищева на Пушкина. В частности, при всех идейных расхождениях зрелого Пушкина с Радищевым (см. его статью «Александр Радищев» и полемически заостренное «Путешествие из Москвы в Петербург»), сам Пушкин (в черновой строфе «Памятника») прямо подчеркивает преемственную связь своей политической лирики с творческим наследием Радищева:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву восславил я свободу
И милосердие воспел.

Еще сильнее то же ощущение кровной преемственной связи с Радищевым выражено наследником декабристов, Герценом: «Что бы он ни писал, так и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и в первых стихотворениях Пушкина, и в «Думах» Рылеева, и в собственном нашем сердце... Слезы, негодование, сострадание, ирония, ирония—утешительница, мстительница—все это вылилось в его превосходной книге... это наши мечты, мечты декабристов».

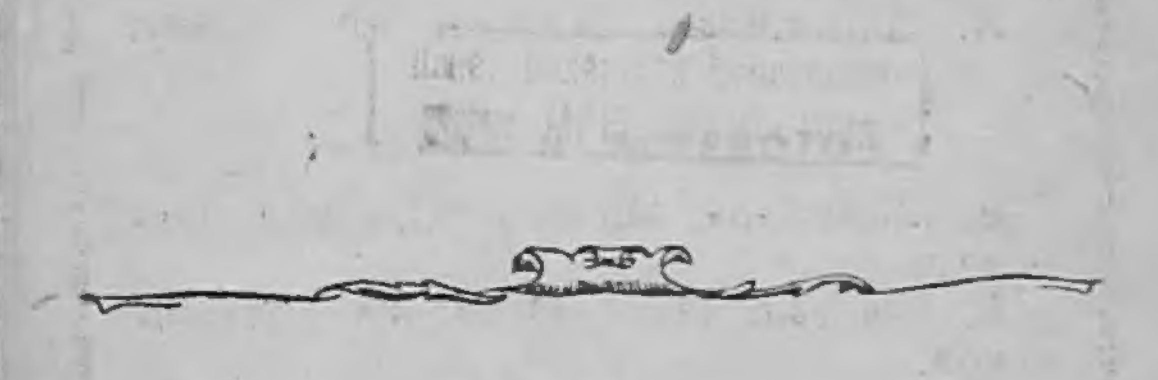
Мечты Радищева, лучшие мечты героических сынов русского народа были осуществлены только в наши дни.

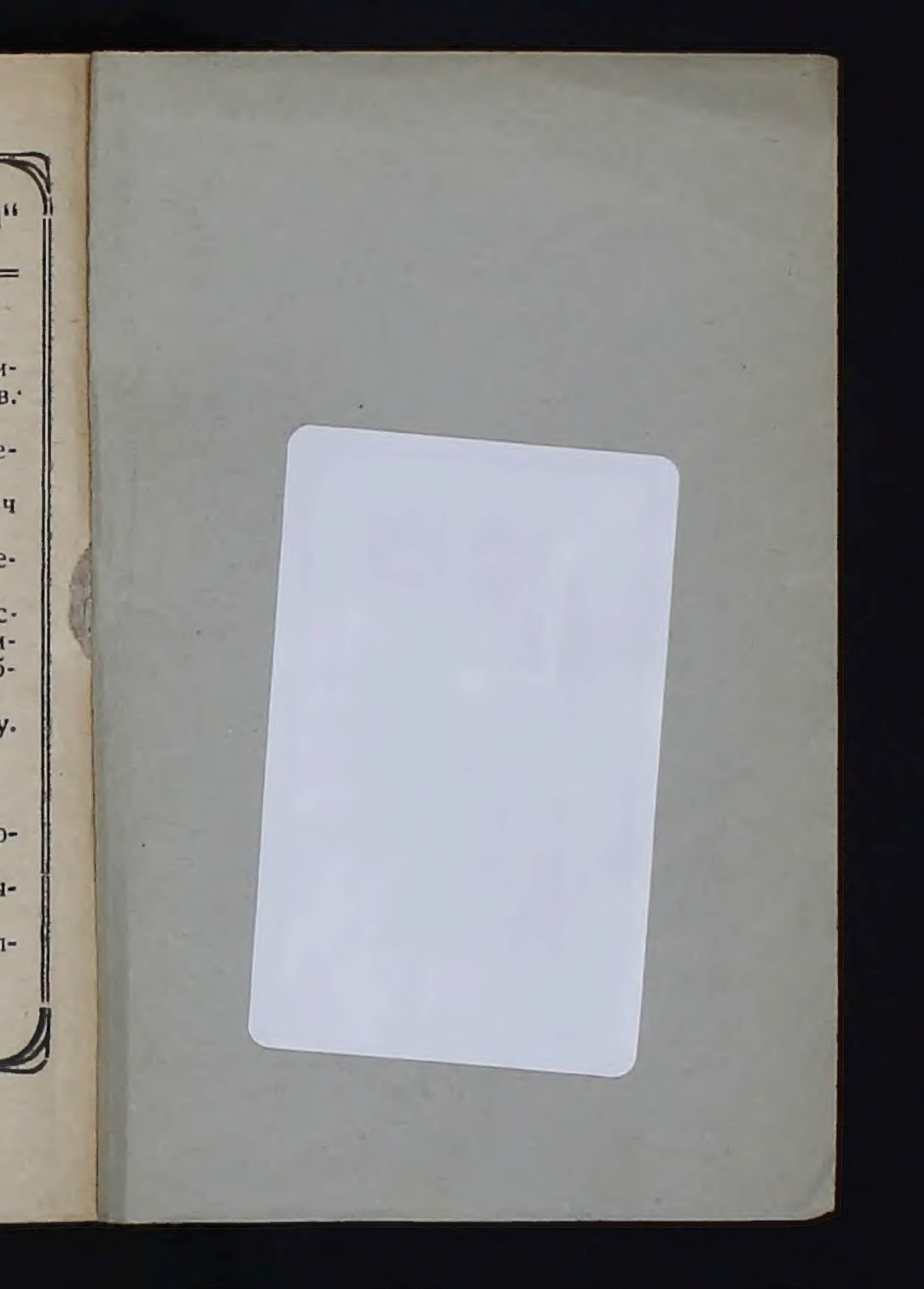
Говоря в одной из своих работ о русском «народном характере», Радищев писал: «Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении—суть качества, отличающие народ российский... О, народ, к величию и славе рожденный, если они обращены в тебе будут на снискание всего того, что соделать может блаженство общественное!».

На благо всех трудящихся—«блаженство общественное»—направлены были могучие усилия российского народа, сплотившего вокруг себя все народы нашей необ'ятной родины, когда в 1917 году он сверг вековые оковы царизма, когда сбросил тысячелетние цепи угнетения и эксплоатации человека человеком.

Во имя «блаженства общественного» победоносно сразился в наши дни великий советский народ с отвратительнейшей «копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме» (Сталин)—с гитлеризмом.

Полную силу обретают сейчас обращенные почти полтораста лет назад к нашему народу, к его лучезарному будущему пророческие слова великого народолюбца Радищева: «О, народ, к величию и славе рожденный!».

Цена 3 рубля